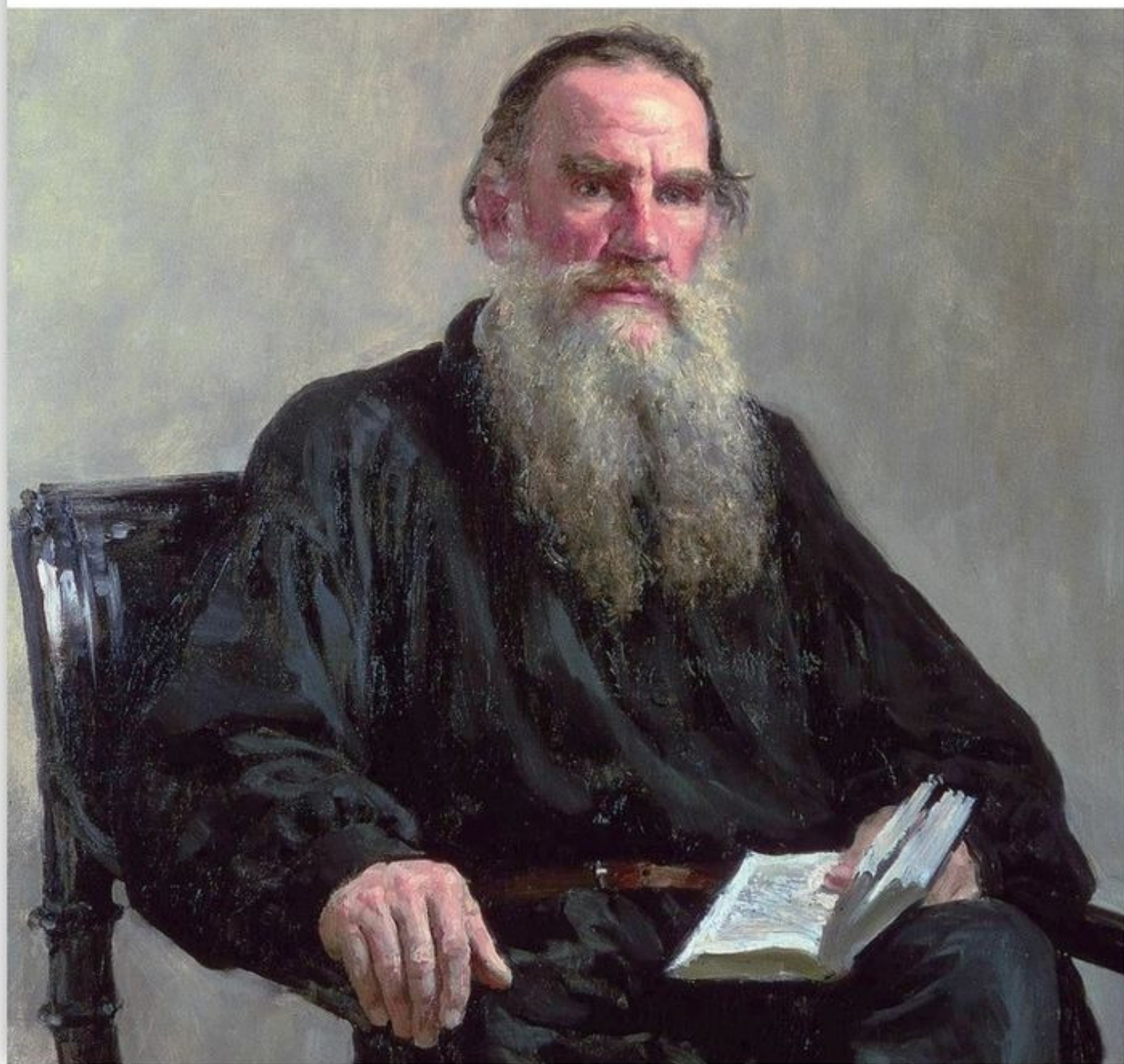

18+

*Лев Толстой в зеркале
психологии*

Составитель Ирина Чередниченко

Ирина Чередниченко

**Лев Толстой в зеркале психологии.
Составитель Ирина Чередниченко**

«Издательские решения»

Чередниченко И. П.

Лев Толстой в зеркале психологии. Составитель Ирина Чередниченко / И. П. Чередниченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748566-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Если не знаешь, как дойти до нужного тебе места — спроси у прохожего. Если не знаешь, как устроен мир — спроси у ученого. Если не знаешь, как жить — спроси у мудреца. Книга, которую вы держите в руках, реалистическая и фантастическая одновременно. Она составлена из текстов великого писателя, но представляет собой диалог через века. Лев Толстой ответит на вопросы, которые многие люди в мире хотели бы ему задать: о человеке и его мире, о любви и смысле жизни.

ISBN 978-5-44-748566-5

© Чередниченко И. П.
© Издательские решения

Содержание

Беседа 1. Жизнь есть расширение пределов, в которых заключен человек	7
Беседа 2.	18
Беседа 3. Зло делается легко и незаметно	24
Беседа 4. Остановиться, опомниться, оглянуться и найти в себе идеалы	33
Беседа 5. Нельзя в одном месте поднять уровень пруда	38
Беседа 6. Разрушение Ада и восстановление его	46
Беседа 7. Вся красота жизни складывается из тени и света	54
Беседа 8. Навсегда ничего не бывает	62
Беседа 9. Всомогущество есть бессознательность	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лев Толстой в зеркале психологии

Составитель Ирина Чередниченко

Составитель Ирина Петровна Чередниченко

ISBN 978-5-4474-8566-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не думай никогда, что ты не любишь, или что тебя не любят. Это только нарушена чем-то всегда существовавшая и существующая любовь между тобой и людьми, и тебе надо только постараться устранить то, что нарушает эту вечно связывающую между собой людей любовь – которая всегда есть».

Л. Н. Толстой

Яркий экран компьютера раздражает глаза.

Через два дня сдавать статью в журнал, но текст рукописи мертв: похож на рассуждения патологоанатома о процессе жизни, в которых содержались все ее признаки, но она сама отсутствовала.

«Выстраивать психологическую систему из отдельных феноменов за Толстого – задача неблагодарная, да и, видимо, не нужная. Поэтому попытаемся...»

Нет, не то...

«...поэтому рассмотрим некоторые психологические и философские представления...»

Строки компьютерного текста подернулись дымкой. Нужно отдохнуть. Плотнo закрыть глаза ладонями. Открыть. Опять закрыть. Опять открыть. Взгляд направо – налево – вверх – вниз. Опять направо – налево... Глянула в зеркало, висящее на стене справа от меня. А вот это почти галлюцинация – ОН улыбнулся.

«Он» – это Лев Николаевич Толстой, вернее, репродукция с его портрета, написанного художником Репиным. Она висит на стене слева от меня в современной металлической раме.

Нужно привести мысли в порядок. Глубокий вдох – такой же выдох.

Портрет улыбаться не может.

А, собственно, почему?

Толстой непостижим, наверное, даже для тех, кто им занимается профессионально.

Уговариваю себя не бояться и взглянуть еще раз. Немного скосить глаза влево и посмотреть в зеркало. Ничего страшного.

Ну, улыбнитесь еще, Лев Николаевич!

Господи, что же это такое приходит в голову!

Интересно, почему возникла такая иллюзия восприятия?

– А если не иллюзия? – раздался насмешливый голос.

Доигралась. Голоса слышатся.

Быстрый взгляд по сторонам. Никого.

– Ваша беда, сударыня, в том, что вы хотите жизнь изобразить в одной плоскости. А она многомерна. Нужно не только видеть, но и слышать. Чувствовать, наконец. Слушайте сердце. Всякий, даже исторический, факт нужно объяснять человечески. А я – не письменная история. Попробуйте поговорить со мной.

Это не Лев Толстой. Это – мое подсознание говорит в тишине. Главное – не сделать глупость и никому об этом не рассказать.

Не смотреть на портрет невозможно. Еще раз взгляну, чтобы убедиться в том, что ошиблась. Или сплю.

Точно! Я сплю! И мне все это снится!!!

Значит, можно общаться с великим писателем, не опасаясь психической патологии.

– Здравствуйте, Лев Николаевич!

Беседа 1. Жизнь есть расширение пределов, в которых заключен человек

– Здравствуйте, Лев Николаевич!

– Применительно ко мне вряд ли уместно такое приветствие. Но вам желаю здоровья.

– Лев Николаевич, я пишу книгу о вас и вашем творчестве.

– Прежде мне довольно было знать, что автор книги – женщина, чтобы не читать ее.

Оттого что ничего не может быть смешнее взгляда женщины на жизнь мужчины, которую они берутся описывать.

– Вы считаете, что этого не стоит делать?

– А вы считаете, что напишите лучше тех, кто уже написал? Думаете, что вы умнее? Сейчас обо мне написано много, в том числе и много лишнего. Вы уверены, что ваше понимание интересно и нужно людям? Или вам просто хочется поставить свое имя рядом с моим?

– Я хочу понять. Помогите мне, пожалуйста!

– Хорошо.

– Лев Николаевич! Вы – один из самых загадочных писателей России. В своих произведениях вы старались отобразить правду жизни. Что такое жизнь с вашей точки зрения?

– Жизнь это Путь, движение, в рамках которого развивается человек. Причем, этот Путь имеет четко очерченные цели.

– Судя по всему, Путь очень труден.

– Двигаясь по Пути, человек прикладывает свои способности и потребности к окружающей действительности, а она налагает ответный отпечаток: образует его, воспитывает и контролирует. В разных ситуациях человек то активно пытается воздействовать на свою жизнь, то пассивно подчиняется внешним ее требованиям.

Движение жизни не протекает гладко, а сопряжено с преодолением острейших противоречий. Человеку, пошедшему по Пути, предстоит часто делать выбор.

– А если он не может выбрать?

– Бывают положения, когда весы божеского и дьявольского становятся ровно и колеблются. И тут совершается величайшее дело божие – и всякое вмешательство чужое страшно опасно и мучительно. Как бы сказать, – человек делает страшные усилия перетянуть тяжесть, и прикосновение пальцем может сломать ему спину.

– Но человек, как правило, действует в соответствии со своими представлениями и принципами.

– Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях. Один человек не может эти принципы придумать. Но действует он то самостоятельно, то под влиянием других людей.

– То есть, человек осмысливает свою жизнь либо как направленную к выполнению своей части задачи всего человечества, либо как направленную к себе, к решению своих индивидуальных проблем?

– Жизнь вообще есть расширение пределов, в которых заключен человек. Пределы эти представляются человеку материей в пространстве и отделяют его от других существ. Человек по аналогии с собой узнает в других существах эти пределы. Там, где он их не узнает, он называет эти пределы неорганической материей, то есть признает, что он не видит, не познает то существо, которое граничит с ним. Так граничит с ним земля, воздух, светила. Расширение этих-то пределов, которые мы не можем себе представить иначе, как движением, и составляет то, что мы называем жизнью. Такую жизнь мы создаем в себе, такую видим во всех существах, которых мы не можем обнять, и которые мы видим только их мертвой стороной. Только здесь

закон сохранения энергии получает объяснение, ведь там, где нет жизни, не может быть никакого усиления движения.

– Движение жизни отдельного человека включено в движение Вселенной?

– Тела наши составляют частицы того большого круга, который совершает Земля, Солнце, которые также рождаются, стареют и умирают. Все, что мы видим, знаем, подлежит закону жизни – рождения и смерти. В микроскопических телах этого не видно потому, что процесс совершается очень скоро, а в макроскопических – потому что этот процесс для нас слишком медленен.

– Вы писали о двух видах жизни человека: личностной и разумной.

– Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. Жизнь наша связана с жизнью других людей и в настоящем, и в прошлом, и в будущем. Жизнь – тем более жизнь, чем теснее ее связь с жизнью других, с общей жизнью.

– Личность и индивидуальность в этом случае одно и то же?

– В этом случае – да. Но не смешивайте личность с разумным сознанием. Разумное сознание включает в себя личность, однако личность не может включить в себя разумное сознание. Личность есть свойство животного и человека как животного. Разумное сознание есть свойство только человека.

– На что направлены личностная и разумная жизни?

– Жизнь личностная направлена, прежде всего, на индивидуальное выживание и стремление приспособиться к обществу, занять соответствующее место в его структуре.

Для этого нужно выполнять определенные социальные роли в соответствии с ожиданиями того круга, в котором вращается человек. Причем, играя роль, человек может полагать, что его поступки диктуются его волей, а не ролью.

Ярким примером может быть сцена суда в романе «Воскресение»: «Прокурор этот только что четвертый раз обвинял. Он был очень честолобив и твердо решил сделать карьеру и потому считал необходимым добиваться обвинения по всем делам, по которым он будет обвинять»¹.

– То есть, в рамках личностной жизни человек преследует свои цели?

– В конечном счете, это работа на себя, даже если выглядит как полное самоотречение. Такая личность подвержена страстям, порождающимся возрастающими индивидуальными потребностями, особенно если человек богат, что позволяет ему вести паразитический образ жизни.

– Именно эта проблема была главной в воспитании ваших детей?

– Праздный человек не спасет свою душу, ибо она совершенствуется только в процессе труда на общую пользу. Я не хотел, чтобы материальная обеспеченность погубила детей, но хотел поставить их в такие условия, которые бы дали внешний толчок к самосовершенствованию.

– Почему невозможно благо в рамках личного существования?

– Во-первых, потому что появляется борьба ищущих личного блага существ между собой; во-вторых, возникает обман наслаждения, приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям, и, в-третьих, смерть. А я желал детям счастья.

– С чего начинается разумная жизнь?

¹ Курсивом выделены цитаты из произведений Толстого и некоторые размышления составителя.

– С самоотречения во имя Бога. Человек подчиняет свою жизнь воле Бога, понимая, что только эта высшая воля может объединить человечество.

– Зачем?

– Затем, что человечество – это не совокупность отдельных личностей, а целостность, развивающаяся по своим законам и движущаяся в соответствии с определенной целью. Если человек находит в себе силы изменить свое мировосприятие настолько, чтобы хотя бы не мешать этому движению, а в идеале – полностью ему подчиниться, то он живет жизнью не личностной, а разумной.

– Вы связываете понятие личности с понятием «личина» – маска?

– Личность – это то, что связано с человеком только поверхностно.

Пьер Безухов, когда находился в особо тяжелых для его духа условиях, вспомнил старичка учителя. Ему представилось, что учитель показывает глобус — «живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров». Вся его поверхность состояла из капель. «Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

– Вот жизнь, — сказал старичок учитель.

«Как это просто и ясно, — подумал Пьер. — Как я мог не знать этого прежде».

– Когда человек начинает жить разумной жизнью?

– В первой половине своей жизни человек большое внимание уделяет жизни плотской, но с возрастом в нем растет осознание своей миссии в этой жизни (по крайней мере, должно расти). По мере угасания жизнедеятельности тела идет постепенное возрастание деятельности духа. Как только человек достигает своего «потолка» в духовном развитии, наступает духовная смерть, которая может прийти даже при жизни человека, не осознаваясь им. Но иногда при осознании смерти наступает просветление, и тогда человек анализирует прожитые годы и успевает раскаяться о пусто прожитой жизни. Это раскаяние приближает его к Богу, и рост духовности в последние дни или даже минуты жизни идет очень интенсивно, частично спасая душу человека.

– Как может проявляться подобное изменение? Что человек чувствует в кризисный период?

– Один человек придумывает себе предлоги, чтобы спешить, не поспевать, делать торопливо, он весь суeta. Другой видит повод для злобы. Третий во всем ищет повод для своего возвеличивания. Четвертый – для печали, а пятый – для любви. Люди создают себе иллюзию жизни, в то время как важны духовные свойства.

К подобным иллюзиям относятся представления о судьбе: «И какая удивительная случайность! Ведь надо же, чтобы это дело пришлось именно на мою сессию, чтобы я, нигде не встречая ее десять лет, встретил ее здесь, на скамье подсудимых! И чем все это кончится? Поскорей, ах, поскорей бы!»

Он все не покорялся тому чувству раскаяния, которое начинало говорить в нем. Ему представлялось это случайностью, которая пройдет и не нарушит его жизни. Он чувствовал себя в положении того щенка, который дурно вел себя в комнатах и которого хозяин, взяв за шиворот, тычет носом в ту гадость, которую он сделал. Щенок визжит, тянется назад, чтобы уйти как можно дальше от последствий своего дела и забыть о них; но неумолимый хозяин не отпускает его. Так и Нехлюдов чувствовал уже всю гадость того, что он наделал, чувствовал и могущественную руку хозяина, но он все еще не понимал значения того, что он сделал, не признавал самого хозяина. Ему все хотелось не верить в то, что то, что было перед

ним, было его дело. Но неумолимая невидимая рука держала его, и он предчувствовал уже, что он не отвертится».

– Значит, жизнь мира совершается по воле Бога? Что же здесь зависит от отдельного человека?

– Он должен пытаться понять смысл этой воли, для чего надо, прежде всего, исполнять ее – делать то, чего от нас хотят. А если я не буду делать того, чего хотят от меня, то и не пойму того, чего хотят от меня, а уж тем менее – чего хотят от всех нас и от всего мира.

«Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и, к удивлению, замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своего храбростью».

– Процесс жизни уподобляется завязыванию узлов, которые нужно постоянно развязывать. Что же побуждает человека делать это?

– Есть три двигателя жизни человеческой: а) чувство, вытекающее из общения с другими существами; б) подражание, внушение, гипноз, и в) вывод разума. На миллион поступков, совершающихся вследствие первых двух двигателей, едва ли один совершается на основании выводов разума. Распределение это происходит и в каждом человеке, но в различных долях.

– Как человеку подготовиться к реализации смысла его жизни?

– Чтобы соответствовать замыслу божью и выполнять его задачи, необходимо выработать в себе два чувства: самоунижения и смирения. Основной недостаток воспитания в роскоши – в развитии гордыни. Противоположные чувства более развиты у простых людей. Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в царство божие.

– У кого же можно научиться смирению?

– У простого народа. Вся жизнь этих людей проходит в тяжелом труде, но они менее недовольны жизнью, чем богатые. Я полюбил этих людей. Чем больше я вникал в их жизнь живых людей и жизнь таких же умерших людей, про которых читал и слышал, тем больше я любил их, и тем легче мне самому становилось жить. Я жил так года два, и со мной случился переворот, который давно готовился во мне, и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство – все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысл в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его.

– Что нужно делать каждому человеку?

– Прежде всего, не лгать перед собой, как бы ни далек был путь жизни человека от истинного пути, открытого разумом. Нужно отречься от осознания своей правоты, своих преимуществ, особенностей перед другими людьми и признать себя виноватым. Но главное – исполнять тот вечный, несомненный закон человека – трудом всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться с природой для поддержания жизни своей и других людей.

– Однако люди далеко не всегда следуют этим советам. Чаще они предпочитают не совсем адекватные способы ориентироваться в жизни.

– Для людей моего круга было четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находились. Первый – выход неведения, который состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Второй – выход эпикурейства, состоящий в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться теми благами, какие есть. Третий – выход силы и энергии, который состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Четвертый – выход слабости, который состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная наперед, что ничего из нее выйти не может.

– А в каком разряде находились вы?

– В четвертом.

– Где же настоящий выход?

– Выход из сложившегося состояния достаточно прост: спрашивать надо, не зачем я живу, а что мне делать. Я старался не смешивать процесс и результат. Главное правило для жизни – это натягивать ровно с обоих концов постромку совершенствования – и мысленного, и жизненного, чтоб одно не отставало от другого и не перегоняло. А то получается, что у нас идеалы высокие, но жизнь подлая, а у народа жизнь высокая, но идеалы подлые.

– Идеалы тоже могут быть подлинными и мнимыми.

– То учение Христа, которое я исповедовал, дает направление, указывает Путь жизни, тот путь, по которому людям легко и радостно идти. Всякое отклонение от него наказывается страданиями. Мнимые идеалы – приобретение богатства, например, – могут быть легко разрушены. Подлинный же идеал неразрушим, потому что находится вне нашей индивидуальной жизни. Несчастье всех нас то, что мы забываем, что жизнь для себя, для своего счастья есть погибель.

– Есть ли в сознании человека механизм, который способствует реализации основного, общечеловеческого, смысла жизни?

– Этот механизм – совесть. Совесть и есть не что иное, как совпадение своего разума с высшим.

– В какой форме совершается движение жизни?

– Человечество, не переставая, движется от низшего, более частного и менее ясного к высшему, более общему и более ясному пониманию жизни. Но это движение может быть упорядоченным только в определенной форме – религиозной. Отсутствие этого основного направления порождает хаос.

– Как во всяком движении, кто-то идет впереди, кто-то отстает. Кто может быть лидером в этом движении?

– Есть люди, яснее других понимающие смысл жизни. Из всех этих передовых людей всегда один более ярко, доступно, сильно – словом и жизнью – выражает смысл жизни. Выражение этим человеком смысла жизни вместе с теми преданиями и обрядами, которые складываются обыкновенно вокруг памяти этого человека, и называются религией. Религии суть указатели того высшего, *доступного в данное время и в данном обществе* лучшим передовым людям, *понимания жизни*, к которому неизбежно и неизменно приближаются все остальные люди этого общества. И поэтому только религии всегда служили и служат основанием оценки чувств людей.

– Каков основной нравственный критерий, заложенный в христианстве?

– Отношение к нищете и страданиям людским. Делать добро людям – это не только поддерживать их жизнь, давая деньги. Чтобы делать добро, не деньги нужны, а нужна, прежде всего, способность хоть на время отречься от условностей нашей жизни. Нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клопов и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы. Нужно быть в состоянии сесть на койку к оборванцу и поговорить с ним по душе так, чтобы

он чувствовал, что говорящий с ним уважает и любит его, а не ломается, любясь на самого себя. Нужно приобщение к их проблемам, как к своим собственным. А это возможно, только когда человек находит смысл жизни вне себя.

– Вы – оптимист или пессимист?

– Я терпеть не могу пессимистов. Если мир так уж не нравится, то нужно его покинуть и не мешать жить другим. Сколько есть людей, всем не довольных, все осуждающих, которым хочется сказать: подумайте, неужели вы только затем живете, чтобы понять нелепость жизни, осудить ее, посердиться и умереть? Не может этого быть. Подумайте. Не сердиться вам надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите. Истоки пессимизма в излишней рассудочности, и если допустить, что жизнь человеческая будет начинаться только разуму, то уничтожится сама ее возможность.

– Люди живут и разумом, и эмоциями, которые тесно связаны с потребностями и возможностями их удовлетворения. Каково, вашей точки зрения, влияние потребностей на развитие личности?

– Человек, живя, желает для себя блага. Однако скоро он замечает, что удовлетворение этой потребности зависит от других людей, которые не спешат делать это, а напротив, всячески этому препятствуют. Человек хочет все больше, но желания и их удовлетворение приносят мимолетные наслаждения, сменяемые страданиями. Он хочет жить, а жизнь уходит из него. Он уйдет из жизни, а другие останутся.

– Обидно.

– Несмотря на то, что жизнь едина и бесконечна, жизнь отдельного человека, или, вернее, действительность, в которой он существует, оказывается обманчивой и невозможной. Это внутреннее противоречие осознавалось человечеством с древнейших времен, а выражалось в страданиях отдельных людей.

– И этого страдания избежать нельзя?

– Можно. Но лишь при том условии, что люди перестанут стремиться к личному благу. Для этого необходимо особое внутреннее состояние, которое называют любовью. Настоящей любовью, которая подразумевает проявление деятельности личности, подчиненной разумному сознанию. Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно положение, при котором желание твое может быть исполнено. Это такое положение, при котором все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя.

– Почему же люди ведут себя не так, а иначе?

– Потому что жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели. Но каждый человек постоянно сталкивается с выбором, как именно поступить, и чем руководствоваться в своем выборе. У него не всегда есть время хорошенько обдумать свои поступки, и не всегда есть точные сведения, на основе которых он должен сделать этот выбор.

– Как же этот выбор все-таки делается, чем он определяется?

– Человек обычно подчиняется не рассуждению, а тому внешнему руководству жизни, которое всегда существовало и существует в каждом обществе. Руководство это не имеет никакого разумного объяснения, однако движет большинством поступков. Его можно назвать *привычкой жизни*. Руководство это не может быть определено выражено, потому что складывается оно из самых разнообразных, по времени и месту, дел и поступков. Это – свечки на дощечках родителей для китайцев; это – паломничество к известным местам для магометанина; это – верность своему знамени и честь мундира для военного, дуэль для светского человека, кровомщение для горца; это – известные кушанья в известные дни, известного рода воспитание своих детей; это – визиты, известное убранство жилищ, известные празднования похорон, родин, свадеб. Это – бесчисленное количество дел и поступков, наполняющих нашу жизнь. Это – то, что мы называем приличием, обычаем, а чаще всего долгом и даже священным долгом.

– Откуда берутся привычки жизни?

– Они вырабатываются поколениями, когда создаются программы воображаемых лучших жизней. Люди одни перед другими стараются как можно лучше поддержать ту счастливую жизнь, которую они наследовали от устройства родителей, или сделать себе новую, еще более счастливую жизнь. Родители закладывают эти программы в своих детей с самого раннего возраста с помощью воспитания, а дети подражают им и заражаются их чувствами. Кроме того, в каждом обществе есть представление *comme il faut* – как нужно. Вот этому-то руководству и подчиняется большинство людей.

– Но значительная часть этих привычек социально оправдана?

– Везде, вокруг себя, с детства человек видит людей, с полной уверенностью и внешней торжественностью исполняющих какие-либо дела – ритуалы. Не имея никакого разумного объяснения своей жизни, человек не только начинает делать такие же дела, но этим делам старается приписать разумный смысл. Человеку хочется верить, что люди, делающие эти дела, имеют объяснение того, для чего и почему они делают то, что делают. И он начинает убеждать себя, что дела эти имеют разумный смысл и что объяснение их смысла если и не вполне известно ему, то известно другим людям.

– А другие, в свою очередь, корректируют его поведение?

– Большинство других людей, не имея также разумного объяснения жизни, находятся совершенно в том же положении, как и он. Они делают эти дела только потому, что им кажется, что еще кто-то, имея объяснение этих дел, требует их выполнения. И так, невольно обманывая друг друга, люди все больше и больше не только привыкают делать дела, не имеющие разумного объяснения, но привыкают приписывать этим делам какой-то таинственный, непонятный для них самих смысл. Люди живут, стараясь уверить себя, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие – те самые, которые точно так же мало знают это.

– Может быть, им просто страшно сознавать свою смертность? Как люди пытаются защититься от мысли о смерти?

– Чтобы скрыть от себя приближение смерти, люди увеличивают наслаждения. Но это увеличение не беспредельно. Наслаждения переходят в страдания, а ужас перед смертью увеличивается. Человек ищет другие наслаждения и увеличивает их интенсивность. Потом он начинает искать наслаждение в забытии, в котором тоже доходит до известного предела. И получается ложный круг: одно – причина другого, и одно усиливает другое. Но самое страшное то, что наслаждения подобного рода не могут быть равномерно распределены между людьми. Если кто-то усиливает их, то в другом месте, у другого человека эти наслаждения отнимаются. Так что, чем сильнее, напряженнее деятельность для достижения наслаждений, тем невозможнее становится единственно доступное человеку благо – любовь.

– То есть, любовь есть цель нашей жизни?

– Любовь – не цель, а состояние. А вот вопрос «зачем жить?» – очень важный. Если нет цели никакой, если жизнь для жизни нам дана, то незачем жить. И если так, то Шопенгауэры и Гартманы, да и все буддисты совершенно правы. Ну, а если есть цель жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигается цель. Вы заметьте: если цель человечества – благо, добро, любовь, как хотите; если цель человечества есть то, что сказано в пророчествах, что все люди соединятся воедино любовью, что раскуют копыя на серпы и так далее, то ведь достижению этой цели мешает что? Мешают страсти. Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них, плотская любовь, то пророчество исполнится. Люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить. Пока же человечество живет, перед ним стоит идеал и, разумеется, идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствиями половой страсти, а идеал добра, достигаемый воздержанием и чистотой.

– Но ведь именно к любви стремились и стремятся люди.

– Да. И посмотрите, что выходит. Выходит, что плотская любовь – это спасительный клапан. Если не достигло теперь живущее поколение человечества цели, то не достигло оно только потому, что в нем есть страсти, и сильнейшая из них – половая. А если есть половая страсть и есть новое поколение, стало быть, и есть возможность достижения цели в следующем поколении. Не достигло и то, опять следующее, и так до тех пор, пока не соединятся люди воедино.

– Значит, если бы люди были вечными, то страсть не была бы нужна?

– Если допустить, что Бог сотворил людей для достижения известной цели, то сотворил бы их или смертными, без половой страсти, или вечными. Если бы они были смертны, но без половой страсти, то вышло бы что? То, что они пожили бы и, не достигнув цели, умерли бы. А чтобы достигнуть цели, Богу надо было бы сотворять новых людей. Если бы они были вечны, то положим, они бы достигли после многих тысяч лет цели, но тогда зачем же они? Куда ж их деть? Именно так, как есть, лучше всего.

– В процессе эволюции люди, как вид, не совершенствуются?

– Высшая порода животных – людская. Для того чтобы удержаться в борьбе с другими животными, она должна сомкнуться воедино, как рой пчел, а не бесконечно плодиться. Она должна так же, как пчелы, воспитывать бесполок, то есть опять должна стремиться к воздержанию, а никак не к разжиганию похоти, к чему направлен весь строй нашей жизни.

– Но тогда род человеческий прекратит существование?

– Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что и по учению нравственному выходит то же самое?

– Значит, жизнь – несовершенная структура, которая стремится к совершенству? И когда она замкнется на самой себе, то самоуничтожится. Либо разрушится, либо перейдет в другое качество. Что ожидает человечество?

– Я ратую за плюс.

– Что же тогда движение жизни?

– Энергия, которую можно рассматривать как движение, есть нечто действительное, а не кажущееся. Это не только средство представления моего единства со всем миром. И потому положение о том, что движение есть только то, что соединяет человека со всем миром, – неверно. *Движение есть сама жизнь.*

– Сознание сопровождает движение жизни?

– В противовес процессу жизни, сознание – статичное явление. Сознание стоит, события жизни движутся через него, а нам кажется, что движется сознание, как облака, бегущие мимо луны.

– Почему человек не может себе представить подобное?

– Потому что для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения. Но вместе с тем из этого-то произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений.

– Что нужно для того, чтобы достаточно адекватно судить о законах движения?

– Необходимо допустить бесконечно малую единицу для наблюдения – «дифференциал истории», а также достичь искусства интегрировать, то есть брать сумму этих бесконечно малых единиц. Историческая наука постоянно принимает все меньшие и меньшие единицы для рассмотрения и этим путем старается приблизиться к истине. Но, как ни мелки эти единицы, каждая из них имеет *начало*, а его выделить практически невозможно. Например, главнокомандующий никогда не бывает в тех условиях *начала* какого-нибудь события, в которых

всегда рассматривается событие. Главнокомандующий всегда находится в *середине* движущегося ряда событий. Никогда, ни в какую минуту, он не бывает в состоянии обдумать все значение совершающегося события. Событие незаметно, мгновение за мгновением, вырезается в свое значение. В каждый момент этого последовательного, непрерывного проявления события главнокомандующий находится в центре сложнейшей игры, интриг, забот, зависимости, власти, проектов, советов, угроз, обманов. Он находится постоянно в необходимости отвечать на бесчисленное количество вопросов, зачастую противоречащих друг другу.

– Чем же определяется ценность человеческой жизни?

– Жизнь обнаруживается во времени и пространстве, но определяется не временными и пространственными условиями, а только степенью подчинения животной личности разуму. Определять жизнь временными и пространственными условиями, – это все равно, что определять высоту предмета его длиной и шириной.

– Но ведь именно условия жизни и есть видимый критерий прогресса.

– Прогресс! Сколько бы ни уверяли людей суеверия религиозные и научные о таком будущем золотом веке, в котором всего будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его временного и пространственного существования есть борьба против каждого, каждого против каждого и против всех. Именно это порождает неудобство и страх.

– Как его преодолеть?

– Когда человек начинает жить истинной жизнью, то есть поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, он видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями. Не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, он ужасается перед тем, что увидел с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его на высоту, и идти по открывшемуся ему направлению, он ужасается и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле.

– И так – бесконечное число раз?

– Это продолжается до тех пор, пока он не признает, наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости – его пространственное и временное существование – не есть его жизнь. Жизнь его только в движении в высоту. Только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной. Если бы не было этих крыльев, он никогда не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его.

– Вероятно, для этого нужно определиться: что же такое «Я»?

– Это тоже непросто. Ведь мое сознание говорит мне только: я есмь. Я есмь с тем моим отношением к миру, в котором я нахожусь теперь. О своем рождении, о своем детстве, о многих периодах юности, о средних годах, даже об очень недавнем времени человек часто ничего не помнит.

– Человек в своем определении «Я» манипулирует двумя категориями: «Я-постоянное» и «Я-меняющееся». Все это находится в одном месте – в человеческом теле. Что же тогда «действительное Я»?

– Тело мое одно только потому, что есть что-то невещественное, которое признает переменяющееся тело одним и своим. Это то, что мы называем *сознанием*: оно одно держит все тело вместе и признает его одним и своим. Но и это не все. Сознание тоже различно. Как нет ничего общего в веществе моего тела, каким оно было десять лет назад и теперешним, как не было одного тела, так и не было во мне одного сознания. Мое сознание трехлетним ребенком и теперешнее сознание так же различны, как и вещество моего тела теперь и тридцать

лет тому назад. Сознания нет одного, а есть ряд последовательных сознаний, которые можно дробить до бесконечности.

– Что же связывает в одно целое все последовательные во времени сознания?

– Отношение к миру. Именно оно, внепространственное и вневременное, исключительное отношение к миру, – есть настоящее и действительное «Я». Наше особенное отношение к миру установилось не в этой жизни, и началось не с этим телом, и не с рядом последовательных во времени сознаний. Оно уже существовало до нашего рождения. Это отношение, в свою очередь, тоже развивается, и развивается в трех основных плоскостях: отношение разумного сознания человека к миру; отношение его животного сознания к миру; отношение его тела к миру.

– Что же определяет окончание плотского существования человека и начало его перехода в новое качество?

– Нам кажется, что человек умирает, когда этого ему не нужно, но это не так. Умирает человек только тогда, когда это необходимо для его блага, точно так же, как растет, мужает человек только тогда, когда ему это нужно для его блага. Человек умирает только оттого, что в этом мире благо его истинной жизни не может уже увеличиваться, а не оттого, что у него болят легкие, или у него рак, или в него выстрелили или бросили бомбу.

– И тогда он перестает беречь себя?

– Если мы живем, то это происходит вовсе не оттого, что мы бережем себя, а оттого, что в нас совершается дело жизни, подчиняющее себе все эти условия. Мы живы не потому, что бережем себя, а потому, что делаем дело жизни. Кончается дело жизни, и ничто уже не может остановить непрерывающую гибель человеческой животной жизни.

– Значит, чтобы сохранить свою жизнь, нужно отречься от животной ее составляющей?

– Да, для блага моей истинной жизни мне нужнее всего знать то, чему я должен подчиниться *здесь и теперь* свою животную личность. И разум открывает мне в этой жизни тот единственный путь, на котором я не вижу прекращения этого блага.

– Тогда изменяется отношение к страданиям?

– Люди в глубине души знают, что всякие страдания нужны, необходимы для блага их жизни. Страдание есть болезненное ощущение, вызывающее деятельность, устраняющую его и вызывающую состояние наслаждения.

– Как страдание может являться источником активности личности, и почему оно способствует развитию человека?

– Существует разница в страданиях животного и человека. Если животное страдает в настоящем, то деятельность для прекращения страдания, направленная на самого себя в настоящем, вполне удовлетворяет его. Человек же страдает не в одном настоящем, но страдает и в прошедшем, и в будущем.

Поэтому деятельность, вызываемая страданиями человека, если она направлена только на настоящее человека, не может удовлетворить его. Только деятельность, направленная и на причину, и на последствия страдания, и на прошедшее, и на будущее, удовлетворяет страдающего человека. В этом случае у человека два выбора: или считать страдания бессмысленными, а потому усиливать их, или, считая себя частью человечества, отстрадать и за себя и за других, и таким образом приблизиться к высотам разумной жизни. Вследствие этого, страдания лишаются своей моральной мучительности, так как поддерживаются любовью.

«Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой одной жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою — любить их. Уничтожить же жизнь в других существах не в твоей власти. Жизнь убитых

тобою существ исчезла из твоих глаз, но не уничтожилась. Ты думал удлинить свою жизнь и укоротить жизнь других, но ты не можешь этого сделать. Для жизни нет ни времени, ни места. Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, и жизнь твоя и жизни всех видимых и невидимых существ мира равны. Жизнь уничтожить и изменить нельзя, потому что она одна только и есть. Все остальное нам только кажется».

– Получается, что человек призван преодолеть свои телесные потребности?

– В нас две природы – духовная и плотская. Есть люди, живущие одной плотью и не понимающие того, как можно свой центр тяжести переносить в духовную жизнь, чтобы вся деятельность руководилась духовными целями. Есть люди, живущие плотью и понимающие – только понимающие – духовную жизнь. Есть люди счастливые – наш народ и еще буддисты, которые до пятидесяти лет живут полной плотской жизнью и потом вдруг переступают на другую ногу, духовную, и стоят на ней. Есть еще более счастливые, для которых творить волю отца – это истинный хлеб и истинное питье, и которые смолоду стали на ногу духовную. Но есть и такие несчастные, как мы с вами, у которых центр тяжести в середине и они разучились ходить и стоять.

– Разве легко отделить духовное от плотского?

– Все в этом мире перепутано. Все плотское так одето в духовный наряд, все духовное так облеплено плотским, что трудно разобрать. Да что же хорошо, что дурно? В учении Христа я нашел одну особенную черту, отличающую его от всех учений. Он учит, толкует, почему смысл жизни тот, который он дает ей. Но притом всегда говорит, что надо исполнять то, что он говорит, и тогда увидишь, правда ли то, что он говорит.

– В повседневной жизни много хлопот. Разве легко постоянно контролировать свое поведение в соответствии и заповедями Бога?

– Многие люди озабочены только призраками, отражениями, а не самой жизнью в ее подлинной сути. Верьте, переносите центр тяжести в мир духовный, чтобы все цели вашей жизни, все желания выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела божии, исполняйте волю отца, и тогда вы увидите свет и поймете. Мужик верит так, как верили и верят величайшие мудрецы, до которых он может подняться, отцы и святители, то есть верит в самое высшее, что еле-еле может понять. Мужик может, а мы не можем.

– Что есть религия?

– Под религией мы с вами понимаем различные сущности: вы понимаете общее мирозерцание, согретое чувствами, я – выражение простых непререкаемых нравственных истин, которые неизбежно изменяют жизнь, – как, например, истины единобрачия или непротивления злу.

Беседа 2.

Не волна, а вечное движение

– Смысл жизни является внешней целью?

– Он определяется верой. Я верю в учение Христа, и вот в чем моя вера. Я верю, что благо мое возможно на земле только тогда, когда все люди будут исполнять учение Христа. Я верю, что исполнение этого учения возможно легко и радостно.

– Но сделать это чрезвычайно трудно, если нет четкого понимания последствий своих поступков?

– Несчастное, жалкое создание человек со своей потребностью положительных решений, брошенный в этот вечно движущийся, бесконечный океан добра и зла, фактов, соображений и противоречий! Веками быются и трудятся люди, чтобы отодвинуть к одной стороне благо, к другой неблаго. Проходят века, и где бы, что бы ни прикинул беспристрастный ум на весы доброго и злого, весы не колеблются. На каждой стороне столько же блага, сколько и неблаго.

– Что есть «благо» и «неблаго»?

– Если бы только человек выучился не судить и не мыслить резко и положительно и не давать ответы на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вечно оставались вопросами! Если бы только он понял, что всякая мысль и ложна, и справедлива! Ложна односторонностью, по невозможности человека обнять всей истины, и справедлива по выражению одной стороны человеческих стремлений.

Люди сделали себе подразделения в этом вечном движущемся, бесконечном, бесконечно-перемешанном хаосе добра и зла, провели воображаемые черты по этому морю и ждут, что море так и разделится. Точно нет миллионов других подразделений совсем другой точки зрения, в другой плоскости! Правда, вырабатываются эти новые подразделения веками, но и веков прошли и пройдут миллионы.

«Цивилизация – благо; варварство – зло; свобода – благо; неволя – зло». Вот это-то воображаемое знание и уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре.

– Кто определит – что свобода, что деспотизм, что цивилизация, что варварство? И где границы одного и другого? И кто видел такое состояние, в котором бы не было добра и зла вместе?

– Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, Всемирный Дух, проникающий в нас всех вместе и в каждого. Тот самый дух, который в дереве велит расти к солнцу, в цветке велит бросить себя к осени и в нас велит бессознательно жаться друг к другу. И этот-то один непогрешимый блаженный голос заглушает шумное, торопливое развитие цивилизации.

– Каждый человек движется в совершенно определенном направлении и отличается индивидуальным стилем жизни, который придает неповторимость человеческой личности. Волен ли он выбирать этот путь?

– Не совсем. У развивающегося, или просто достаточно быстро продвигающегося по социальной лестнице человека, очень мало знакомых равнодушных. Как правило, сфера знакомств разделяется на два противоположных лагеря. У того, кто быстро идет вперед по избранной дороге, имеются враги и страстные поклонники. Многое зависит от их точки зрения.

– И какая же точка зрения правильная?

– Стил жизни определяется, прежде всего, отношением любой человеческой судьбы к общей истории народов. Важно понять суть этих отношений и их связь с пониманием жизни. Я серьезно интересовался декабристами. Они представлялись мне людьми обнаженной, пре-

дельно чуткой совести. Именно веления совести, нравственный поиск вели их одновременно и к социальному протесту, и к потребности личного совершенствования, и к стремлению к общественному благу.

– Поиск – очень сложный процесс, зависящий от многих факторов. Может ли он привести к единому для всех результату?

– Он всегда единый, но проявляться может по-разному. Например, описывая войну, я старался описать поведение человека, а не результаты того или иного сражения. Меня интересовало, что чувствует и как ведет он себя и в бою, и в моменты мирной передышки. Но ничьи поступки не являются единичными, человек всегда опутан сложной сетью связей, формальных и неформальных, реальных и воображаемых. Например, надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора.

– Как соотносятся социальные связи и связь с Богом?

– Связь с обществом противопоставляется связи с Богом. Общество побеждает количеством, Бог – внутренней силой.

– Человек – не отдельная единица в толпе, а звено системы. Для того чтобы система была жизнеспособной, она должна быть сбалансирована. Ваших героев можно разместить на четырех уровнях уравнивания: индивидуальном (Платон Каратаев), групповом (Анна Каренина – Алексей Вронский), общественном (Наполеон Бонапарт) и экзистенциальном (Бог). Все ли люди включены в систему взаимовлияний?

– Все. Иногда подобному уравниванию способствуют общественные катаклизмы, локальные войны и т. п. Например, выжить после самоубийства Анны Карениной Вронскому помогли военные действия на Балканском полуострове, куда он отправился защищать интересы славян.

Толстой говорил и о политическом равновесии: «Действительно, Пьеру удалось завязать с аббатом разговор о политическом равновесии, и аббат, видимо, заинтересованный простодушной горячностью молодого человека, развивал перед ним свою любимую идею.

– Средство — европейское равновесие и droit des gens², — говорил аббат. — Стоит одному могущественному государству, как Россия, прославленному за варварство, стать бескорыстно во главе союза, имеющего целью равновесие Европы, — и оно спасет мир!

– Как же вы найдете такое равновесие? — начал было Пьер, но в это время подошла Анна Павловна и, строго взглянув на Пьера, спросила итальянца о том, как он переносит здешний климат».

Через некоторое время Пьер поделился с князем Андреем пришедшей к нему мыслью: «Помоему, вечный мир возможен, но я не умею, как это сказать... Но только не политическим равновесием».

– Если я правильно поняла, ни одно действие какого-либо лица не остается без реакции кого-либо из взаимодействующих с ним индивидов или групп. То есть одни люди заставляют других действовать, и сами подвергаются такому же давлению?

– Нужно различать уравнивание и насилие. Насилие – это совершение вынужденных поступков. Но если человек стремится исполнять открытую им в любви волю Бога, то нет насилия, а есть уравнивание.

– Значит, противоречий между человеком, уравновешенным на индивидуальном уровне и на экзистенциальном уровне, нет? Или человек в первом случае действует бессознательно, а во втором – осознанно?

² Народное право (франц.).

– Редко кто может сознательно выбирать свой путь. Кажется, что он скован условиями существования. На самом деле эти условия не принципиальны, они лишь в малой степени могут определять движение жизни. Другое дело – воспитание и влияние общества. Человек, живя в обществе, старается следовать общественным нормам, даже если они не вполне соответствуют истинному его призванию.

Василий Позднышев рассказывал своему попутчику: «Жил я до женитьбы, как живут все, то есть в нашем кругу. Я помещик и кандидат университета и был предводителем. Жил до женитьбы, как все живут, то есть развратно, и, как все люди нашего круга, живя развратно, был уверен, что живу, как надо. Про себя я думал, что я милашка, что я вполне нравственный человек».

– Жизнь отдельного человека неотрывна от социальной среды (исключение – отшельники – только подтверждают правило). И на индивидуальную жизнь наслаиваются, в нее активно внедряются другие жизни, со своими проблемами. Разве в системе норм человека нет места сомнениям?

– Человек не может быть односторонне плохим или хорошим. Все люди – пегие.

– Понятия «общество» и «человечество» идентичны?

– Общество входит в человечество, но для того, чтобы этот вход был эффективным, необходимо перейти от общественных норм к общечеловеческим. А они не только не всегда совпадают, но и часто противоречат друг другу.

Каждый из героев Толстого решал эту проблемы по-своему, и из этого возникала его индивидуальная жизненная драма. «В первую минуту я не узнал его, но как только он заговорил, я тотчас же вспомнил работящего, хорошего мужика, который, как часто бывает, как бы на подбор, подпадал под одно несчастье после другого: то лошадей двух увели, то сгорел, то жена померла».

– Известно, что природа не терпит насилия над собой. Она стремится поправить движение объекта в положительную или отрицательную сторону?

– Скажем так: не стремится способствовать. Например, моя дружба с Дмитрием Дьяковым открыла мне новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения. Сущность этого взгляда состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно. Я наслаждался открытием новых мыслей, вытекающих из этого убеждения, и составлением блестящих планов нравственной, деятельной будущности. Но жизнь моя шла все тем же мелочным, запутанным и праздным порядком.

– Может быть, поправки эти имеют кратковременный характер?

– Безусловно. Но они влияют на человека. Затем он может вновь измениться, и опять происходит нечто, что возвращает его к исходным позициям, но уже на другом уровне. Иногда это воздействие бывает настолько сильным, что человек, не выдержав нагрузки, погибает, как это произошло с Анной Карениной.

– Можно сказать, что человеческая жизнь – это колебание человека от решения личностных проблем до осознанного участия в развитии общества, которое происходит на фоне его физиологических, психологических и социальных изменений?

– Это колебание идет по синусоиде, когда на первый план выступает то целостность личности и ее индивидуальные проблемы, то отречение от единичных проблем во имя решения общественных. На самом деле жизнь человеческая человеку не принадлежит, а проявляется через него. Индивидуальную жизнь нельзя выделить из жизни общей. Например, Пьер Безухов

из романа «Война и мир» вспоминает о глобусе и каплях на нем как модели человеческой жизни. Одни капли-люди расширяются, а другие сжимаются, но вместе они составляют единое целое, не смешиваясь.

Позднее об этом писал Пьер Тейяр де Шарден: «Как порошок, крупинки которого, как бы их ни сжимали, не вступают в молекулярный контакт, люди всем своим существом, изо всех сил отстраняют и отталкивают друг друга».

– И оно, это целое, бессмертно?

– Человек поверит в свое бессмертие только тогда, когда он поймет, что его жизнь не есть волна, а есть то вечное движение, которое в этой жизни проявляется только волною.

– Как это – волна?

– Неверующие люди думают, что из мертвого вещества выделяется личность, из личности разумное сознание – вершина волны. Поднявшись на вершину, волна (разумное сознание и личность) спускаются туда, откуда они вышли, и уничтожаются. Человек вырос, созрел, умер, и после смерти для него ничего уже быть не может. То, что после него и от него осталось: или потомство, или даже его дела, – не может удовлетворять его. Он жалеет себя, боится прекращения своей жизни. В то же, что эта его жизнь, которая началась здесь на земле, в его теле, и здесь же кончилась, что эта жизнь его самого опять воскреснет, он не может верить.

И вновь созвучие мысли Толстого с Пьером Тейяром де Шарденом: «Мы чувствуем, что через нас проходит волна, которая образовалась не в нас самих. Она пришла к нам издалека, одновременно со светом первых звезд. Она добралась до нас, сотворив все на своем пути. Дух поисков и завоеваний — это постоянная душа эволюции».

– Жизнь человека неотделима от жизни Вселенной?

– Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, жизнь человека и жизни всех, видимых и невидимых, существ мира равны. Мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему.

– Это соответствие означает самопожертвование?

– Есть два предела: один тот, чтобы отдать свою жизнь за других людей; второй тот, чтобы жить, не изменяя условий своей жизни. Между этими пределами находятся все люди: одни на степени учеников Христа, оставивших все и пошедших за ним, другие на степени богатого юноши, тотчас же отвернувшегося и ушедшего, когда ему было сказано об изменении жизни.

– Существует ли обратный процесс – не включать себя в человечество, а распространять свое «я» на других?

– Человек склонен распространять свое «я» на окружающих, с которыми он связан теми или иными связями. Например, Василий Позднышев рассказывал: «Ведь ужасно было то, что я признавал за собой несомненное, полное право над ее телом, как будто это было *мое тело*, и вместе с тем чувствовал, что владеть я этим телом не могу, что оно не мое, и что она может распоряжаться им как хочет, а хочет распорядиться им не так, как я хочу».

Трагедия отторжения чужой личности, воспринимаемой как часть своей, сопровождалась бурной эмоциональной реакцией, приведшей Позднышева к убийству жены. Кстати, нигде в повести Позднышев не называет жену по имени. Даже слуга имеет имя, все имеют: дети, знакомые. Но имени жены нет. Она — часть Позднышева, причем, часть худшая, с его точки зрения, от которой он хотел бы избавиться.

– Так ведет себя животная часть личности?

– Да. Человек имеет свойство не видеть страданий, которые он не хочет видеть. А он не хочет видеть страданий, причиняемых им самим. Его настроение колеблется от удовлетворения потребностей. Например, есть в человеке послеобеденное расположение духа, которое сильнее всяких разумных причин заставляет человека быть довольным собой и считать всех своими друзьями.

– Животная часть личности ориентируется на себя?

– Безусловно. Часто бывало, говоришь с человеком, и вдруг у него делается ласковое, радостное лицо, и он начинает говорить с вами так, что кажется, он сообщит вам нечто самое радостное для вас: оказывается, он говорит о себе.

– То есть, животная часть личности воспринимает мир не совсем адекватно?

– Она и ведет себя так: проявляется в состоянии гнева, алкогольного опьянения и тому подобное. Эти чувства иногда даже приносят удовольствие.

В рассказе «Люцерн» Толстой так описывает состояние гнева, которое изменяет осознание себя в конкретной ситуации: «Я совсем озлился той кипящей злобой негодования, которую я люблю в себе, возбуждаю даже, когда на меня находит, потому что она успокоительно действует на меня и дает мне хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергию и силу всех физических и моральных способностей».

В исповеди Позднышева Толстой утверждает, что даже если осознание имеется, рассудок может быть отключен: «Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, — это вздор, неправда. Я все помнил и ни на секунду не переставал помнить. Чем сильнее я разводил сам в себе пары своего бешенства, тем ярче разгорался во мне свет сознания, при котором я знал, что я делаю».

– Для животной части личности нет сложных переживаний?

– Она действует, исходя из представления о собственном благе, чем бы ни заканчивались ее действия. Человеку кажется, что он хочет добра другому, но на самом деле им движет неосознанное стремление причинить боль.

– Может быть, он боится принять себя таким, каков он есть?

– Страх, вызванный невозможностью и нежеланием брать ответственность за свои действия, заставляет человека прятаться за стеной различных ухищрений. Например, Иван Ильич Головин сначала надеялся освободиться от неприятности семейного положения тем самым легким и приличным отношением к жизни, которое выручало его прежде. Он пробовал игнорировать расположение духа жены, продолжал жить по-прежнему легко и приятно: приглашал к себе друзей составлять партию, иногда сам уезжал в клуб или к приятелям. Но жена начала ругать его грубыми словами и упорно продолжала ругать всякий раз, когда он не исполнял ее требований. Очевидно, она твердо решила не переставать до тех пор, пока он не покорится, то есть не будет сидеть дома и не будет так же, как и она, тосковать. Иван Ильич ужаснулся. Он понял, что супружеская жизнь – по крайней мере, с его женой – не содействует всегда приятностям и приличию жизни, а, напротив, часто нарушает их, и что поэтому необходимо оградить себя от этих нарушений. И Иван Ильич стал отыскивать средства для этого. Служба было одно, что импонировало Прасковье Федоровне, и Иван Ильич посредством службы и вытекающих из нее обязанностей стал бороться с женой, выгораживая свой независимый мир.

– Он жил по инерции?

– Инерция – явление негативное, потому что она не дает возможности для развития личности. Например, Никита Серпуховский промотал в жизни состояние в два миллиона и остался должен сто двадцать тысяч. От такого куска всегда остается размах жизни, дающий кредит и возможность почти роскошно прожить еще лет десять. Лет десять прошли, размах кончился, и Никите стало грустно жить. Он начинал уже попивать, то есть хмелеть от вина, чего прежде

с ним не бывало. Пить же, собственно, он никогда не начинал и не кончал. Более всего его падение было заметно в беспокойстве взгляда (глаза его начинали бегать) и нетвердости интонаций и движений. Это беспокойство поражало тем, что оно недавно пришло к нему. Он привык всю жизнь никого не бояться, и теперь дошел тяжелыми страданиями до этого страха, столь несвойственного его натуре.

Анализируя причудливость восприятия людьми своей и чужой жизни, Толстой обращается к словам американского экономиста и публициста Генри Джорджа: «В почве и солнечном свете, в растительном и животном царствах, в рудных месторождениях и силах природы, которыми мы только еще начинаем пользоваться, заключаются неисчерпаемые богатства, из которых люди, руководимые разумом, могли бы удовлетворять все свои материальные потребности. В природе нет причин для бедности — даже для бедности горбатого или дряхлого. Ибо человек по природе своей — общественное животное, и если бы не было оскотивающего влияния хронической нищеты, то семейная любовь и общественное сострадание доставляли бы все необходимое для тех, которые сами не в силах содержать себя».

Беседа 3. Зло делается легко и незаметно

– Каждому человеку в определенные моменты своей жизни приходится принимать очень важные решения. И чем более важно решение, тем более трудным является процесс его принятия. Как тут не ошибиться?

– Все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей. В том, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, состоит одно из главных различий людей между собою. Одни люди в большинстве случаев пользуются своими мыслями, как умственной игрой, обращаются со своим разумом, как с маховым колесом, с которого снят передаточный ремень, а в поступках своих подчиняются чужим мыслям – обычаю, преданию, закону. Другие же, считая свои мысли главными двигателями всей своей деятельности, почти всегда прислушиваются к требованиям своего разума и подчиняются ему, только изредка, и то после критической оценки, следуя тому, что решено другими.

– Как освободиться от злых мыслей?

– Нет борьбы добра со злом. Зло не борется, оно исподволь забирает. Описание борьбы добра со злом в человеке, покушающемся или только что сделавшем дурной поступок, всегда казалось мне неестественным. Зло делается легко и незаметно, и только гораздо позже человек ужасается и удивляется тому, что он сделал. А чтобы было добро, необходимо самоотречение.

– Но ведь нельзя же быть одному хорошему среди плохих?

– Почему одному? Люди разные, но все должны иметь один нравственный ориентир – Бога. Просто не нужно делать того, что сделал тот же Валаам, когда, соблазнившись дарами, пошел к царю противно повелению Бога, что было ясно даже ослице, на которой он ехал, но не видно было ему, когда корысть и тщеславие ослепили его.

– Бог хранит человека от зла?

– Без Бога сохранить себя от зла невозможно. Трудно человеку развить из самого себя хорошее под влиянием одного только дурного. Пускай не было бы хорошего влияния, но если бы не было и дурного, то тогда бы в каждом существе дух взял бы верх над материей. Но дух развивается различно. С одной стороны, развитие его в каждом существе отдельно составляет часть всеобщего развития. С другой стороны, упадок его в отдельных существах усиливает его развитие.

Возможно, как добро, так и зло, сообщаясь другому человеку, имеет тенденцию либо усиливаться в зависимости от того, что преобладает в человеке: созидание или разрушение. Получив дополнительное «вливание», человек испытывает потребность действовать в соответствии с ним. Действие, в свою очередь, не ослабляет напряжения, а прокладывает дорожку к аналогичным поступкам, особенно если какой-либо из них ранее был подкреплён или разрешен (например, Степан из рассказа «Фальшивый купон» вначале расстрелял солдата, а потом стал грабителем и убийцей).

– Какую роль играет честность в очищении души от зла?

– Должно быть неукоснительное соблюдение честности. Это сложно. Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость.

Зло направлено на сжатие индивида до единичного уровня, добро направлено на расширение — до уровня всеобщего. В зависимости от того, сжатие или расширение преобладает — забирает зло или побеждает добро. Говорят, с темнотой нельзя бороться, но доста-

точно включить свет. Толстой идет в противоположном направлении, призывая очистить свет от темноты.

Отчего идут эти тенденции сжатия или расширения? Здесь играют роль окружающая среда, которая оттягивает изменение индивидуальной структуры, и индивид, изменяющий структуру окружающей среды. Это направление движения определяется силой. Сила дается верой. Веру укрепляет Бог.

В каждой структуре есть свой индивидуальный цикл сжатия-расширения. Маятник одних раскачивается сильно, маятник других — слабо, или практически уравновешен в соответствии с их представлениями о жизни и уровне страстности, который увеличивается по мере усиления жизни личностной и отхода от жизни разумной.

Когда человек попадает в группу, ритм жизни или условия которой не совпадают с теми, к которым он привык, он испытывает удивление, граничащее с шоком. Это удивление вызывает разбалансировку его индивидуальной системы, и какое-то время организм живет, не управляясь рассудком, в результате чего наступает просветление как состояние отчетливого знания, озарения, освещающего перспективы развития человека. Затем налаживается новый ритм жизни, который, как правило, отличается от прежнего. Что-то в индивиде отмирает, а оставшееся быстро заполняет пустоту и интенсивно развивается далее.

– Понятно, что предназначение человека – жить честно и нести людям добро. Как он сможет реализовать это предназначение?

– Вопрос о сущности человека и его назначении является центральным и в философии, и в обыденной жизни. Исходное положение: человек существует в той мере, в которой он обладает желанием.

– То есть, потребностями?

– То, что называют потребностями, есть условия животного существования человека, которые можно сравнить с бесчисленными раздувающимися шариками, из которых бы было составлено какое-нибудь тело. Все шарики равны одни с другими и имеют себе место и не стеснены, пока они не раздуваются. Все потребности равны и не ощущаются болезненно, пока они не сознаны.

Но стоит начать раздувать шарик, и он может быть раздут так, что займет больше места, чем все остальные, стеснит другие, и сам будет стеснен.

– Изучив потребности человека, мы можем подсказать ему правильное направление его развития?

– Нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни. К тому же прежде чем говорить о благе удовлетворения потребностей, надо решить, какие потребности составляют благо. Это очень важно.

– Психология пытается ответить на этот вопрос.

– Я не удовлетворен подходом психологии к определению потребностей. Если спросишь: «Что называется потребностью и где пределы потребностей?» – то на это также просто отвечают: «Наука – на то наука, чтобы распределять потребности на физические, умственные, эстетические, даже нравственные, и ясно определить, какие потребности и в какой мере законны, и какие и в какой мере незаконны. Она со временем определит это». Если же спросить: «Чем руководствоваться в определении законности и незаконности потребностей?» – то на это смело отвечают: «Изучением потребностей». Но слово потребность имеет только два значения. Во-первых, это условие существования, а условий существования каждого предмета бесчисленное количество, и потому все условия не могут быть изучены. Во-вторых, требование блага живым существам, познаваемое и определяемое только сознанием, и потому еще менее могущее быть изученным опытной наукой.

Часто человек пытается рационализировать свои эгоистические потребности, например, потребность во власти, придавая им значимый в обществе смысл и подчеркивая свою скромность в выполнении этой важнейшей, с их точки зрения, индивидуальной миссии. В романе «Воскресение» Толстой писал: «На всех присяжных был, — несмотря на то, что многих это оторвало от дела, и что они говорили, что тяготятся этим, — на всех был отпечаток некоторого удовольствия от сознания совершения общественного важного дела».

– Вы говорили, что только Бог знает основную задачу развития человека и человечества. Но у всех ли людей есть потребность в вере?

– Есть у всех, но кто-то ее осознает, а кто-то – нет. Например, Иван Петрович, герой повести «Декабристы», стоя в алтаре, где он обыкновенно стаивал, более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за пятьдесят два года, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году; он, говоря со своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы его спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить.

– Как развить правильные потребности у подрастающего поколения?

– Потребности необходимо воспитывать. Чем моложе человек, тем меньше он верит в добро, несмотря на то, что он левовернее на зло. Например, есть два средства не чувствовать материальной нужды: одно – умерять свои потребности, другое – увеличивать доход. Первое само по себе всегда нравственно, второе само по себе всегда безнравственно: от трудов праведных не наживешь палат каменных.

– Что бы вы посоветовали воспитывающим взрослым?

– Помнить, что одна из настоятельнейших потребностей человека, равная, даже более настоятельная, чем еда, питье, похоть, и про существование которой мы часто забываем, это потребность проявить себя – знать, что это сделал я. Много поступков объясняется этой потребностью. Надо помнить ее и при воспитании, и имея дело с людьми. Главное, надо стараться, чтобы это была деятельность, а не хвастовство.

– Когда можно считать потребность сформированной?

– Когда она превратится в привычку.

Своего сына Мишу Толстой предостерегал: «Опасность эта состоит в том, что в том возрасте, когда складываются привычки, которые останутся навсегда, как складки на бумаге, вы живете без всякой, без всякой нравственной, религиозной узды, не видя ничего, кроме тех неприятностей учения, к которому вас принуждают, и от которого вы стараетесь так или иначе избавиться, и тех всех самых разнообразных удовлетворений похоти, которые вас привлекают со всех сторон, и которые вы имеете возможность удовлетворять. Такое положение вам кажется совершенно естественным и не может казаться иным, и вы никак не виновны, что оно кажется вам таковым, потому что в нем выросли, и в таком же положении находятся ваши товарищи, — но положение это совершенно исключительно и ужасно опасно. Ужасно опасно оно потому, что если поставить всю цель жизни, как она у вас, у молодых людей, когда похоти эти внове и особенно сильны, то непременно, по очень известному и несомненному закону, — выйдет то, что для того, чтобы получать то удовольствие, которое привык получать от удовлетворения похоти: сладкой еды, катанья, игры, нарядов, музыки, надо будет все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, раз уже удовлетворенная, в другой и третий раз не доставляет уже того наслаждения, и надо удовлетворять новые — более сильные. (Существует даже закон, по которому известно, что

наслаждение увеличивается в арифметической прогрессии, тогда как средства для произведения этого наслаждения должны быть увеличены в квадратах)».

– Но привычки бывают разными, например, у многих есть привычка ждать чего-то от будущего.

– Ничто столько не препятствует истинному счастью (состоящему в добродетельной жизни), как привычка ждать чего-то от будущего. Для истинного счастья будущее ничего не может дать, а все дает прошедшее.

Жизнь индивида — последовательность изменений, которая осознается в каждый отдельный момент. И в этот момент человеком что-то движет, причем, это движение направляется извне и изнутри. Но и это извне и изнутри бывает разное, в зависимости от того, каким типом жизни живет человек. Если он живет жизнью личностной, то внешний ориентир и контроль — общество, в котором он живет, а внутренний — потребности, значительную долю из которых занимают страсти, стремление к наслаждению и избеганию страданий. Человек, ориентирующийся на такой способ жизни, и ведущий такую жизнь, в принципе несчастен. Счастье посещает его в короткие промежутки наслаждения, когда он удовлетворяет потребности, как материальные, так и социальные. Но он сам ставит себе препятствия к своему развитию, ибо оно дискретно: от наслаждения к страданию. Это проявляется в тоске о наслаждении былом и мечте о наслаждении будущем. Что же касается настоящей жизни, жизни «здесь и теперь», то человек иногда осознанно (как Стива Облонский), иногда неосознанно (как Алексей Каренин) «глушит» себя каким-либо видом деятельности, чтобы избежать беспокойства от неудовлетворенных экзистенциальных потребностей.

– Что такое счастье?

– Нельзя определить однозначно. Счастье человека, живущего разумной жизнью, отличается от счастья человека, живущего жизнью общественной или животной. Есть счастье людей добродетельных и счастье людей тщеславных. Первое происходит от добродетели, второе от судьбы. Нужно, чтобы добродетель глубоко пустила корни, чтобы второе не имело вредное влияние на первое. Счастье, основанное на тщеславии, разрушается им же: слава – зло-речием, богатство – обманом, но основанное на добродетели счастье не разрушается ничем. Человек, живущий для себя и для своих страстей, какая бы у него ни была красавица жена, и как бы он ни был знатен, богат, не может быть счастлив, потому что счастье и раскаяние несовместимы. Впрочем, иногда счастье – это отсутствие двух действительных несчастий – болезни и угрызений совести.

– Как стать счастливым?

– Мы стремимся к счастью как к благу. Говорим себе: я только в таком случае мог бы достигнуть блага, быть счастливым, если бы все другие существа любили меня более, чем они любят самих себя. Это вещь невозможная. Но, несмотря на это, вся наша деятельность, наше стремление к богатству, к славе, к власти, есть не что иное, как попытка заставить других полюбить нас больше, чем они любят самих себя. Богатство, слава, власть дают нам подобие такого порядка вещей, и мы почти довольны. Но это только подобие, а не действительность. Все существа любят самих себя больше, чем они любят нас, и тогда счастье невозможно. Есть люди (и число их увеличивается со дня на день), которые, не будучи в состоянии разрешить это затруднение, застреливаются, говоря, что жизнь есть только один обман. И, однако, решение задачи более чем просто и навязывается само собой. Я только тогда могу быть счастлив, когда в этом мире будет существовать такое устройство, что все существа будут любить других больше, чем самих себя. Весь мир был бы счастлив, если бы все существа не любили бы самих

себя, а любили бы других. Я существо человеческое, и разум открывает мне закон счастья всех существ: я должен любить других более чем я люблю самого себя.

– Как найти свое счастье?

– Когда я искал счастья, я впадал в пороки. Когда я понял, что достаточно в этой жизни быть только не несчастным, то меньше стало порочных искушений на моем пути. Я убежден, что можно быть добродетельным и не несчастным... Когда я искал удовольствия, оно бежало от меня, а я впадал в тяжелое положение скуки – состояние, из которого можно перейти ко всему – хорошему и дурному. Скорее к последнему. Теперь, когда я только стараюсь избегать скуки, я во всем нахожу удовольствие.

– От чего зависит счастье?

– Раз мне пришла мысль, что счастье зависит не от внешних причин, а от нашего отношения к ним. Человек, привыкший переносить страдания, не может быть несчастлив. Я попытался приучить себя к труду, а также, несмотря на страшную боль, держал по пять минут в вытянутых руках лексикона Татищева или уходил в чулан и веревкой стегал себя по голой спине так больно, что слезы невольно выступали на глазах.

– Радикально. И помогло?

– Понял, что счастье неотделимо от несчастья.

– То есть, чтобы быть счастливым, нужно страдать?

– Страдание – это напоминание о невыполненном долге перед Богом и людьми. Главная причина этих страданий та, что ожидается то, чего не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает. И поэтому избавление от этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его. Если ждешь всего того, что описано в начале 1001 ночи: пьянства, вони, отвратительных болезней, – то упрямство, нерадивость, пьянство даже можно не то что простить, а не страдать и радоваться, что нет того, что могло бы быть. И тогда все доброе ценится.

– Не в этом ли главное средство для счастья вообще? Не оттого ли люди так часто несчастны, особенно богатые?

– Вместо того чтобы сознавать себя в положении раба, который должен трудиться для себя и для других и трудиться так, как этого хочет хозяин, богатые люди воображают себе, что их ждут всякого рода наслаждения.

– И в чем тогда их проблема?

– В том, что и труд, и препятствия, и болезни, то есть необходимые условия жизни, им представляются неожиданными страшными бедствиями. Бедные поэтому бывают менее несчастны: они вперед знают, что им предстоит труд, борьба, препятствия, и потому ценят все, что дает им радость. Богатые же, ожидая только радостей, во всех препятствиях видят бедствия и не замечают и не ценят тех благ, которыми пользуются. Блаженны нищие, ибо они утешаются, голодные – они насытятся, и горе вам, богатые.

– В этом отношении счастье и несчастье зависят от активных действий, причиняющих добро или зло окружающим, себе и всему человечеству?

– Несчастен не тот, кому делают больно, а тот, кто хочет сделать больно другому. И наоборот, если человек искренне возмущен, несчастлив, все время наталкивается на возмутительные вещи, то ему нужно сделать один из двух выборов. Первый – сложный: если душа не слаба, действуй и исправь, что тебя возмущает, или сам разбейся. Вторым гораздо легче, и ему я намерен держаться: умышленно ищи всего хорошего, доброго, отворачивайся от дурного. Право, не притворяясь, можно многое любить не только в России, но и у самоедов.

– Понятно. Допустим, я хочу искать всего хорошего и не отворачиваться от доброго. Но как я могу не реагировать на плохое?

– Старайтесь. В счастье нужно верить, тогда оно будет если не все время с тобой, то, по крайней мере, часто будет сопровождать тебя. Иначе оно может и отвернуться. Например,

Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье. Затевая что-нибудь, он был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему. Так это было, за редкими исключениями, во все продолжение его бурной военной жизни.

– Каждый человек «ведет» свое чувство и в результате оказывается ответственным за свое счастье или несчастье. Существуют ли пределы в направлении этого движения?

– Да, и это подтверждают законы диалектики. Заметили ли вы, что в наше время в мире русской поэзии есть связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: упадок поэтического творчества всякого рода – музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода – музыки, живописи и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя поэтическая волна была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и вот она ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывает, Бог даст. А пушкинский период умер совсем, сошел на нет.

– Как проявляется эта тенденция в жизни отдельного человека?

– Через борьбу желаний – для себя и для других.

Например, в давке на Ходынке молодую княжну спас бедный человек, Емельян, который очень хотел разбогатеть, хотел получить выигрышный билет (их, по слухам должны будут раздавать вместе с подарками в честь коронации Николая II). Волей случая таким билетом оказалось для него спасение княжны. Однако ситуация разворачивалась совсем иным образом.

« – Да вот он спас меня, — говорила Рина. — Если бы не он, не знаю, что бы было. Как вас зовут? — обратилась она к Емельяну.

– Меня-то? Что меня звать?

– Княжна ведь она, — подсказала ему одна из женицин, — бога-а-тая.

И вдруг у Емельяна на душе что-то поднялось такое сильное, что не променял бы на двухсоттысячный выигрыш.

– Чего еще. Нет, барышня, ступайте себе. Чего еще благодарить.

– Да нет же, я не буду спокойна.

– Прощай, барышня, с Богом. Только пальто мое не увези.

И он улыбнулся такой белозубой, радостной улыбкой, которую Рина вспоминала как утешение в самые тяжелые минуты своей жизни.

И такое же еще большее радостное чувство, выносящее его из этой жизни, испытывал Емельян, когда вспоминал Ходынку, и эту барышню, и последний разговор с нею».

– Может ли индивидуальный мотив полностью замениться общечеловеческим?

– Полностью, конечно, нет. Но с возрастом многие желания уходят. Наверное, именно это чувствовал старец Федор Кузьмич.

«Прежде всего, я думал, что человек не может не желать. Я всегда желал и желаю. Желал прежде победы над Наполеоном, желал умиротворения Европы, желал освобождения себя от короны, и все желания мои или исполнялись и, когда исполнялись, переставали влечь меня к себе, или делались неисполнимы, и я переставал желать. Но пока эти желания исполнялись, или становились неисполнимыми прежние желания, зарождались новые, и так шло и идет до конца. Теперь я желал зимы, она настала, желал уединения, почти достиг этого, теперь желаю описать свою жизнь и сделать это наилучшим образом, так, чтобы принести пользу людям. И если исполнятся и если не исполнятся, явятся новые желания. Вся жизнь в этом. И мне пришло в голову, что если вся жизнь в зарождении желаний и радость жизни в исполнении их, то нет ли такого желания, которое свойственно бы было человеку, всякому человеку, всегда, и всегда исполнялось бы или, скорее, приближалось бы так для человека, который желал бы смерти. Вся жизнь его была бы приближением к исполнению этого жела-

ния; и желание это, наверное, исполнилось бы. Сначала это мне показалось странным. Но, вдумавшись, я вдруг увидел, что это так и есть, что в этом одном, в приближении к смерти, разумное желание человека. Желание не в смерти, не в самой смерти, а в том движении жизни, которое ведет к смерти. Движение же это есть освобождение от страстей и соблазнов того духовного начала, которое живет в каждом человеке. Я чувствую это теперь, освободившись от большей части того, что скрывало от меня сущность моей души, ее единство с Богом, скрывало от меня Бога».

– Когда человек наиболее эгоистичен?

– Когда влюблен. Например, мой сын Илья, когда собрался жениться на Философовой (славной, простой, здоровой, чистой девушке), находился в том невменяемом состоянии, в котором находятся влюбленные. Жизнь для него остановилась, и вся в будущем.

– Такой эгоизм – явление преходящее? Ведь сильная любовь, как и любое сильное чувство, порождает стресс, с которым начинает бороться уже организм человека, сменяя его приступами раздражения, апатии или тоски. Ведь если человека любят за то, что он есть, со всеми его достоинствами и недостатками, то в какой-то момент объект любви не может вместить в себя все чувство, которое на него обрушивается?

– Если человек живет для других, то любовь распространяется на всех. Если он живет для себя, то его чувство ужато до одного человека, имеющего в данный момент высшую, хотя, может быть, и случайную, ценность. В первом случае он может «отпустить», распространить излишки любви на окружающих. Так поступила моя тетушка Татьяна Александровна Ергольская. Лучшее средство к истинному счастью в жизни – это без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало: и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального. Если же человек не хочет этого распространения, то любовь его поглотит, сделает несчастным.

Очень часто у Толстого состояние любви к какому-либо человеку предвосхищается состоянием готовности к любви, без которого настоящей любви не получается. Для того чтобы войти в состояние готовности, герои Толстого вначале чувствуют унижение, растерянность, связанные или с потерей (Маша из «Семейного счастья»), или с неудовлетворенностью жизни (Оленин из «Казаков»), или тяжелой болезнью в преддверии смерти (Николай Левин из «Анны Карениной»).

Чувство же личностное начинается с обычного, ни к чему не обязывающего увлечения (Вронский из «Анны Карениной»), необходимости обзавестись семьей (Позднышев из «Крейцеровой сонаты»). Юный Нехлюдов влюблен в Катюшу Маслову: «Услыхав ее шаги, Нехлюдов, тихо ступая и сдерживая дыхание, как будто собираясь на преступление, вошел к ней... На минуту он остановился. Тут еще была возможность борьбы. Хоть слабо, но еще слышен был голос истинной любви к ней, который говорил ему о ней, о ее чувствах, об ее жизни. Другой же голос говорил: смотри, пропустишь свое наслаждение, свое счастье. И этот второй голос заглушил первый. Он решительно подошел к ней. И страшное, неудержимое животное чувство овладело им».

– Мы часто видим, что многие поступки определяются случайными событиями.

– Бывает. Допустим, человек готовится поступить в университет. Он может делать это из любви к математике, а может и потому, что слова: синусы, тангенсы, дифференциалы, интегралы и так далее – чрезвычайно нравятся ему. Иногда человек поступает так, как ожидают от него другие. Например, Душечка у Чехова (я ею восхищен) – настоящая женщина. Она живет жизнью мужа.

– Получается, что человек может принять случайные решения.

– Они не совсем случайны. К ним есть предрасположенность, которую человек вначале не осознает, а потом уже начинает обдумывать. Например, Нехлюдов, собираясь жениться, размышлял, что в пользу женитьбы было, во-первых, то, что женитьба давала приятности домашнего очага, устраняла неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни. Во-вторых, и это было главным, Нехлюдов надеялся, что семья, дети, дадут смысл его бессодержательной жизни. Против женитьбы были, во-первых, общий всем немолодым холостякам страх за лишение свободы и, во-вторых, бессознательный страх перед таинственным существом женщины.

– Человек имеет потребность придавать своим поступкам смысл?

– Не путайте смысл жизни и цель. Иногда человек стремится к тому, что не является смыслом его жизни. Однажды в деревне я встретил вдову. Она попросила меня войти и взглянуть на телку. Я вошел. В сенах, точно, стоит телка. Вдова попросила взглянуть на нее. Я посмотрел на телку и увидел, что вся жизнь вдовы так сосредоточена на телке, что она не может себе представить, чтобы мне могло быть неинтересно смотреть на телку.

Найти смысл человеческой жизни — проблема чрезвычайно сложная, на решение которой может уйти жизнь. Все это может сопровождаться сильнейшими переживаниями (Константин Левин, Пьер Безухов, Андрей Болконский, отец Сергей и т. д.). Но основная трудность здесь не в том, что личность не может определить смысл своей жизни, а в том, что личность не в силах охватить задач всего человечества. Поэтому человеку трудно осознать свою миссию, ибо первопричины существования скрыты от него, так как они находятся вне человечества, в Боге.

Иногда даже смерть определяет смысл жизни. Человек умирает, чтобы очистить душу другого, любящего его. Так было с Ванечкой, любимым сыном Толстого, так было с Андреем Болконским. Однако на Вронского смерть Анны подействовала иначе: он не смог преодолеть горя сам. Будучи продуктом общества, в котором он жил, он был спасен этим обществом, хотя мы можем догадываться на основании отдельных его высказываний, что он в боях Балканской войны будет искать смерти. Но по другим произведениям Толстого мы знаем, что таким людям часто предоставляется шанс, перестрадав, понять истину.

– Когда человек начинает задумываться о цели в жизни?

– Задать себе цель никак нельзя. Это я пробовал сколько раз, и не выходило. Надо не выдумывать ее, а найти такую, которая бы была сообразна с наклонностями человека. Такую, которая бы и прежде существовала, но которую он только бы сознал. Такого рода цель я нашел в юности: всестороннее образование и развитие всех способностей. Как одно из главных средств к достижению этого я выбрал дневник и франклиновский журнал.

Проблемы смысла и цели в жизни возникают у человека довольно рано, но стремлением решить их обладают далеко не все. И еще реже встречаются люди, способные правильно поставить вопрос, прежде чем его решить. Но даже если предположить, что и вопрос был поставлен верно, и что цели определены правильно, это не означает, что человек не может заблуждаться относительно средств их достижения. Несоответствие между формой, заданной основной целью, и формой, избранной самим человеком, преследовало Толстого всю жизнь. Очень ярко это несоответствие было выражено в раннем его произведении — «Истории вчерашнего дня».

– Все ли люди должны искать смысл жизни?

– Нет. Поиски не всегда приводит к ожидаемому результату. На одном полюсе таких размышлений – полное отрицание смысла жизни (Шопенгауэр, Гартман, Ницше), на другой –

наличие высшего смысла (Евангелие, учения философов Востока). Отдельные представители человечества колеблются между этими полюсами.

– Что может подтолкнуть к правильному пониманию смысла жизни?

– Переосмысление многих привычных ориентиров, например, религиозных. В душе семнадцатилетнего юноши может совершиться изменивший все его отношение к окружающему переворот. Ему вдруг откроется совершенно новая для него вера, разрушившая все то, во что он прежде верил, откроется мир здравого смысла. Поразит его не то, что поражает многих людей из народа, когда для них открывается область науки – величие мира, расстояния, массы звезд, но не глубина исследования и остроумных догадок. Поразит больше всего здравый смысл, признаваемый обязательным для всякого познания. Поразит то, что надо верить не тому, что старики сказывают, даже не тому, что говорит поп, ни даже тому, что написано в каких бы то ни было книгах, а тому, что говорит разум. Это будет открытие, которое изменит все его мировоззрение, а потом и всю его жизнь.

– То есть, человек может не искать смысл, не понимать его, а жить в соответствии с ним. Герои ваших книг восхищаются цельностью представителей народа, не определяющих смысл своей жизни, но чувствующих его.

– Это другой подход к жизни – не общественной, а роевой. Если же человек выходит из этого «роя», начиная свой путь, он должен искать высший смысл его жизни, который определен Богом.

Человек может жить для общества или в соответствии с Богом. Почему же Толстой так клеймит первых и превозносит вторых? Типичные представители первого и второго направлений — Алексей Каренин и отец Сергей.

Каренин работал на благо общества, или, по крайней мере, считал, что работал. Возможно, это один из вариантов введения себя в заблуждение. Но, наряду с решением псевдообщественных, а иногда даже эгоистических проблем (как было в случае с иноверцами), в нем просыпается искра божия. И она разгорается тем сильнее, чем быстрее падает авторитет Каренина как государственного человека. Враги, желая раздавить его, открыли ему новый путь – путь спасения души, на который он окончательно ступил, забрав у Вронского никому не нужную Анечку — дочь Анны.

Отец Сергей, бывший лихой офицер с непомерной гордыней, не выдержав общественного презрения как будущий муж царской фаворитки, уходит в монастырь. Но и там он, усиленно служа Богу, на самом деле губит душу. Он служит не искренне, а чтобы доказать самому себе и окружающим свою святость. Но этот мотив от него скрыт. Он испытывает сильнейшее искушение, а потом к нему приходит просветление. Он ясно понял, как ему жить, и с кого брать пример.

По характеру и темпераменту эти люди различны. Резкий, подвижный Сергей и флегматичный, спокойный Каренин. Кстати, есть один вид темперамента, особенно не уважаемый Толстым — сангвинический (хотя своего отца он тоже описывал как сангвиника). В устах Толстого «сангвиник» означает «пустой мальи́й», несерьезный, самовлюбленный, во всем себе потакающий. Например, Стива Облонский, который быстро забыл погибшую сестру и ту роль, которую сыграл в этом Вронский. Не простил, а забыл. Вронского Толстой тоже не вполне уважает, хотя и признает, что ему выпало тяжкое испытание, из которого, как из центра перекрестка, он может направиться куда угодно или вообще расстаться с жизнью. Вронский остается наедине с его проблемами, хотя догадывается, что самостоятельно справиться с ними он вряд ли сможет.

Беседа 4. Остановиться, опомниться, оглянуться и найти в себе идеалы

– Вы писали, что нельзя жить без идеала. Что такое идеал?

– Идеал можно сравнить с фонарем, освещающим людям путь в темноте. Свет фонаря освещает дорогу, но «догнать» его люди не могут, ибо он всегда впереди. Для жизни необходим идеал. А идеал – только тогда идеал, когда он *совершенство*. Направление только тогда может быть указано, когда оно указывается математически, не существующей в действительности прямой.

– Но вы также утверждали, что чувства правды, красоты и добра независимы от степени развития. И что мы видим свой идеал впереди, когда он стоит сзади нас. Я совсем запуталась.

– Путаница происходит оттого, что люди хотят пережитое поставить опять идеалом. А идеал есть гармония. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, добра и красоты, а затем жизнь его идет так, что каждый шаг и каждый час грозит этой гармонии нарушением и не дает надежды восстановления нарушенной гармонии.

– Как же его тогда можно достичь?

– Самая большая ошибка в том, чтобы думать, что узнав путь к идеалу, вы можете достигнуть его. Если бы идеал был достижим, он бы не был идеал, и если бы люди достигли его, жизнь бы кончилась. Идеал всегда недостижим, но из этого не следует, что надо махнуть на него рукой и не следовать ему. Надо все силы прилагать на все большее и большее приближение к нему.

– Тогда остается ли идеал постоянным в течение жизни человека?

– Он не остается неизменным. Изменяются обстоятельства жизни, меняются нравственные ориентиры – корректируются представления об идеале. В противном случае он перестает «работать», вдохновлять людей на достижение высоких целей. Но опасно путать вечные идеалы и идеалы устаревшие. Опасность эта особенно велика именно в наше время, когда старые правила жизни, старые идеалы жизни разрушены для большинства людей, а новые правила и новые идеалы не только не признаются общественным мнением, но, напротив, выставляются чем-то смешным и даже вредным.

– А как вы чувствовали это изменение?

– Я, как очень увлекающийся человек, прошел в моей юности через постепенный ход удовлетворения похоти. Но у меня, как и у всех молодых людей нашего времени, были очень определенные правила и идеалы. Правила были очень глупые, аристократические, но они сдерживали меня. Для меня, например, мысль о том, чтобы пить с мужиками и кучерами водку или перед людьми выказать свое пристрастие к крестьянской девушке, было так же невозможно, как украсть или убить. Идеалы же жизни были такие, при которых я должен был продолжать жизнь, которую вели отец и дед, то есть составить себе видное и уважаемое общественное положение. Для этого я должен быть утонченно образован, как они, и так же мнимо благороден. Идеалы теперь кажутся мне дикими, но они были во мне так тверды, что удерживали меня от многого и отвлекали от всего того, что мешало достижению их.

– Разве сложно принять идеалы, способствующие развитию личности?

– А вы как думаете? Положение очень многих молодых людей страшно именно потому, что они не признают никаких ни правил, ни идеалов. И потому, как на рельсах, они катятся под крутую горку похотей и неизбежно вкатываются в вечно одно и то же болото, из которого почти нет выхода, – женщины и вино. Спасение от такого положения есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти в себе идеалы, то есть то, чем хочешь быть.

– Это сложно. Проще подчиниться требованиям общества, потому что сразу увидишь, как люди тебя оценивают.

– В соответствии со своими идеалами человек и оценивает людей – соответствуют те их идеалам или нет, и в какой степени. Многие так называемые «светские молодые люди» рассуждают как Николай Иртеньев.

*«Род человеческий можно разделять на множество отделов — на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т. д., и т. д., но у каждого человека есть непременно свое любимое главное подразделение, под которое он бессознательно подводит каждое новое лицо. Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*³. Второй род подразделялся еще на людей собственно не *comme il faut* и простой народ. Людей *comme il faut* я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но, в сущности, ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Мое *comme il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. Второе условие *comme il faut* были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки».*

– Странное представление.

– Странно то, что ему, имевшему положительную неспособность к *comme il faut*, до такой степени привилось это понятие. А может быть, именно оно так сильно вросло в него оттого, что ему стоило огромного труда, чтобы приобрести это *comme il faut*. Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut* есть самостоятельное положение в обществе. Человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он *comme il faut*. Достигнув этого положения, он уж исполняет свое назначение и даже становится выше большей части людей.

– А как же тогда ему следовать требованиям общества?

– Должен быть тот здравый смысл посредственности, который показывал ему, что было должно.

– Как влияет литература на формирование идеалов?

– По-разному. Например, для Николая Иртеньева чтение французских романов, которых много привез с собой Володя, было частым занятием. Все самые неестественные лица и события были для него так же живы, как действительность. Он не только не смел заподозрить автора во лжи, но сам автор не существовал для него, а из печатной книги сами собой являлись перед ним живые, действительные люди и события. Если он нигде не встречал лиц, похожих на те, про которых читал, то ни секунды не сомневался в том, что они *будут*. Он находил в себе все описываемые страсти и сходство со всеми характерами, и с героями, и со злодеями каждого романа, как мнительный человек находит в себе признаки всех возможных болезней, читая медицинскую книгу. Но книги должны учить, как правильно жить.

– Что можно считать антиидеалом?

– Праздность. Библейское предание говорит, что отсутствие труда – праздность – было условием блаженства первого человека до его падения. Любовь к праздности осталась та же и в падшем человеке, но проклятие все тяготеет над человеком. И не только потому, что мы в поте лица должны снискивать хлеб свой, но потому, что по нравственным свойствам своим

³ Порядочных и непорядочных.

мы не можем быть праздны и спокойны. Тайный голос говорит, что мы должны быть виновны за то, что праздны. Если бы мог человек найти состояние, в котором бы он, будучи праздным, чувствовал бы себя полезным и исполняющим свой долг, он бы нашел одну сторону первобытного блаженства. И таким состоянием обязательной и безупречной праздности пользуется целое сословие – сословие военное. В этой-то обязательной и безупречной праздности состоит, и будет состоять, главная привлекательность военной службы.

– Будет ли человек счастлив, следуя идеалу? Мы опять возвращаемся к проблеме счастья.

– Вечная тема. Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым.

– Почему?

– Потому что есть счастье как удовольствие и счастье как добро, благо. Счастье как удовольствие может олицетворяться даже круглым маленьким колечком табачного дыма. Счастье как благо состоит в наслаждении делать добро, и это есть единственное верное счастье жизни.

– А возможно и то, и другое одновременно?

– Возможно, но на короткое время, когда человек бывает на высшей ступени счастья. Тогда он делается вполне добр и хорош, и не верит в возможность зла, несчастья и горя.

– Связано ли счастье с достижением желаемого?

– Нет. Например, Вронский, несмотря на полное осуществление того, чего он желал так долго, не был вполне счастлив. Он скоро почувствовал, что осуществление его желания доставило ему только песчинку из той горы счастья, которой он ожидал. Это осуществление показало ему ту вечную ошибку, которую делают люди, представляя себе счастье осуществлением желания. Первое время после того, как он соединился с Анной и надел штатское платье, он почувствовал всю прелесть свободы вообще, которой он не знал прежде, и свободы любви, и был доволен, но недолго. Он скоро почувствовал, что в душе его поднялись желания желаний, тоска. Независимо от своей воли, он стал хвататься за каждый мимолетный каприз, принимая его за желание и цель. Шестнадцать часов дня надо было занять чем-нибудь, так как они жили за границей на совершенной свободе, вне того круга условий общественной жизни, который занимал время в Петербурге!

– Может быть, это связано с отсутствием четких правил в жизни?

– У Вронского был четкий свод правил, определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти определяли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, что обманывать нельзя никого, но мужа можно, что нельзя прощать оскорблений, и можно оскорблять и так далее. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову.

– Мечты о будущем и их воплощение различаются?

– Разумеется. Например, когда Левин был женат третий месяц, он был счастлив, но совсем не так, как ожидал. На каждом шагу он находил разочарование в прежних мечтах и новое неожиданное очарование. Левин был счастлив, но, вступив в семейную жизнь, он на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал. На каждом шагу он испытывал то, что испытал бы человек, любовавшийся плавным, счастливым ходом лодочки по озеру, после того как он бы сам сел в эту лодочку. Он видел, что мало того, чтобы сидеть ровно, не качаясь, надо еще соображать, ни на минуту не забывая, куда плыть, что под ногами вода и надо грести, и что непривычным рукам больно. Только смотреть на это легко, а делать это хоть и радостно, но очень трудно.

– Может быть, все просто: не будет несчастий – человек станет счастливым, как говорил князь Андрей?

– Потом этого становится мало. Вначале князь Андрей полагал, что единственно возможное счастье – есть счастье животное. Но когда он простил Наташу, у него появилось новое счастье, и это счастье, как он чувствовал, имело что-то такое общее с Евангелием.

– Есть ли какое-то осязаемое средство стать счастливее в нужный момент?

– Есть. Труд. Например, уже не раз испытал с пользой известное ему средство заглушать свою досаду и все, кажущееся дурным, сделать опять хорошим, Левин употреблял это средство. Когда он посмотрел, как шагал Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ноге, то слез с лошади, взял у Василья севалку и пошел рассевать.

– Счастье – вне или внутри человека?

– Человек сотворен для счастья, счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей. Все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка. На свете нет ничего страшного. Как нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был бы несчастлив и несвободен. Есть граница страданий и граница свободы, и эта граница очень близка. Человек, который страдал от того, что в розовой постели его завернулся один листок, точно так же страдал, засыпая на голой, сырой земле.

– Возможно ли счастье в браке?

– Сложный вопрос. С одной стороны, любовь мужчины к женщине по преимуществу плотская, и в этом плане она препятствует самосовершенствованию мужчины. С другой стороны, если безбрачие лучше брака, то очевидно, что люди должны делать то, что лучше. Однако если люди сделают это, то род человеческий прекратится, и потому не может быть идеалом рода человеческого уничтожение его.

– Говорят: «Если люди достигнут идеала полного целомудрия, то они уничтожатся, и потому идеал этот не верен».

– Те, которые говорят так, умышленно или неумышленно смешивают разнородные вещи – правило, предписание и идеал. Целомудрие не есть правило или предписание, а идеал – одно из условий его. Идеал только тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему – бесконечна. Если бы идеал мог быть достигнут, если бы мы могли представить себе его осуществление, он бы перестал быть идеалом.

– Наверное, весь смысл человеческой жизни заключается в движении по направлению к этому идеалу?

– Стремление к нему во всей его совокупности и к целомудрию, как к одному из условий этого идеала, не только не исключает возможности жизни, но, напротив того, отсутствие этого христианского идеала уничтожило бы движение вперед и, следовательно, возможность жизни.

– Каким образом?

– Как есть два способа указания пути ищущему, указания путешественнику, так есть и два способа нравственного руководства ищущего правды человека. Один способ состоит в том, что человеку указываются предметы, долженствующие встретиться ему, и он направляется по этим предметам.

– А другой?

– Другой способ состоит в том, что человеку дается только направление по компасу, который человек несет с собой и на котором он видит всегда одно неизменное направление и потому всякое свое отклонение от него.

– Как можно проверить исполнение религиозных учений?

– Проверка исполнения внешних религиозных учений есть совпадение поступков с определениями этих учений, и совпадение это возможно. Проверка же исполнения Христова учения есть сознание степени несоответствия с идеальным совершенством.

– И ее можно определить?

– Степень приближения не видна: видно только отклонение от совершенства. Исповедующий закон Христа всегда в положении мытаря. Он всегда чувствует себя несовершенным, не видя позади себя пути, который он прошел. Он видит всегда впереди себя тот путь, по которому еще надо идти, и который он не прошел еще.

– Отклонение может быть видно только со стороны.

– Для этого нужно нравственное руководство. Во-первых, человеку даются определенные правила, то есть признаки поступков, которые он должен и которых не должен делать. Во-вторых, человеку указывается идеал, по отношению к которому он всегда может видеть степень своего удаления от него.

– Зачем унижать себя по отношению к идеалу?

– Потому что позволив себе принижать идеал по своей слабости, нельзя найти того предела, на котором надо остановиться. На какой бы ступени ни стоял человек, всегда есть для него возможность приближения к этому идеалу. Но никакое положение для него не может быть таким, в котором бы он мог сказать, что достиг его, а потому не мог бы стремиться к еще большему приближению.

14 апреля 1858 года он писал своей тетушке А. А. Толстой: «...воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничто не подходит, все становится не то, и не радуешься и не благодаришь Бога за те блага, которые он дал, а в душе вечное недовольство и грусть. Бросить этот идеал — скажете вы. Нельзя. Это идеал не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни».

Беседа 5. Нельзя в одном месте поднять уровень пруда

– Мне кажется, что мы живем в парадоксальном мире. Чаше всего парадоксы возникают, когда из намерения вытекает совершенно иное поведение, имеющее следствием прямо противоположный результат. Кажется, что ситуация развивается практически без контроля со стороны человека. Неужели чем сильнее человек желает чего-то, тем более вероятен противоположный исход событий?

– Очень часто сильные желания мешают и делу, и общению. Например, мой брат Сергей Николаевич был мне самый близкий (после семьи) человек, но мне с ним часто было тяжело, неловко. Я боялся всякую минуту сделать ему неприятное, и эта боязнь производила на него еще худшее впечатление.

– Вы отрицали однозначное толкование человеческих поступков. Как вы думаете, может ли человек избежать внутренних противоречий?

– Избежать не может, но у разных людей противоречивость выражена по-разному. Я смолodu стал преждевременно анализировать все и немилосердно разрушать. Я часто боялся, думал – у меня ничего не остается целого. Но вот я старею, а у меня целого и невредимого много, больше, чем у других людей. Орудие ли анализа у меня было крепко, или выбор верен, но уже давно я более не разрушаю. А целыми остались у меня непоколеблены – любовь к одной женщине, дети и всякое отношение к ним, наука, искусство – настоящие, без соображений величия, а с соображением настоящности наивного. Это ужасно много. У моих сверстников, веривших во все, когда я все разрушал, нет и одной сотой того. Но в молодости я был уверен, что несообразность между положением человека и его моральной деятельностью есть вернейший признак истины.

– Какие бывают виды парадоксальных ситуаций?

– Их можно разделить на три группы. Первая представляет собой состояние завышенной мотивации, внутреннее содержание которой – страх и гордыня. Помню, как я учился ездить на велосипеде в манеже, в котором делаются смотры дивизиям. На другом конце манежа училась ездить дама. Я подумал о том, как бы мне не помешать этой даме, и стал смотреть на нее. И, глядя на нее, я стал невольно все больше и больше приближаться к ней, и, несмотря на то, что она, заметив опасность, спешила удалиться, я наехал на нее и свалил, то есть сделал совершенно противоположное тому, что хотел, только потому, что направил на нее усиленное внимание.

– Похожей бывают аварии новичков на машине.

– Лучшие вещи всегда выходят нечаянно, а чем больше стараешься, тем выходит хуже. В деревнях редко стараются давать воспитание и потому нечаянно большею частью дают прекрасное.

Николенька Иртенъев, желал произвести хорошее впечатление на белокурое юное создание — Катеньку, хотел проявить себя прекрасным наездником. «Мы поехали назад вместе с линейкой. Володя и я, желая превзойти один другого искусством ездить верхом и молодецтвом, гарцевали около нее. Тень моя была длиннее, чем прежде, и, судя по ней, я предполагал, что имею вид довольно красивого всадника; но чувство самодовольства, которое я испытывал, было скоро разрушено следующим обстоятельством. Желая окончательно прельстить всех сидевших в линейке, я отстал немного, потом с помощью хлыста и ног разогнал свою лошадку, принял непринужденно-грациозное положение и хотел вихрем пронестись мимо них, с той стороны, с которой сидела Катенька. Я не знал только, что лучше: молча ли проскакать или крикнуть?»

Но несносная лошадка, поравнявшись с упряжками, несмотря на все мои усилия, остановилась так неожиданно, что я перескочил с седла на шею и чуть-чуть не полетел».

– Так же бывает, когда хочется поделиться своими идеями, мыслями.

– Удивительное дело! Стоит только рассказать, как-нибудь раскрыть людям то доброе, которое чувствуешь, делаешь или хочешь делать, и тотчас же та внутренняя сила и радость, которую давало это сознание добра, – исчезает. Точно как выпущенный пар из паровика.

– А если делаешь для Бога?

– Если делаешь для Бога, то делай только для Бога. Держи тайну с Богом, и он поможет тебе. Как разболтал людям, он отворачивается от тебя. Ты, мол, сказал людям, от них и жди помощи.

– Когда человек *хочет* быть добрым, он долго может оставаться в этом состоянии?

– Несмотря на желание быть добрым, против воли прорывается непрестанная ненависть.

– А если хочешь служить людям?

– Как меняется взгляд на жизнь, когда живешь не для себя, а для других! Жизнь перестает быть целью и делается средством. Несчастье делает добродетельным – добродетель делает счастливым – счастье делает порочным. Поэтому нужно соблюдать меру. Нет ничего тяжелее, как видеть жертвы, которые для тебя делают люди, с которыми ты связан и должен жить. Особенно тяжелы жертвы, которых не требуешь, и от людей, которых не любишь. Самая обидная форма эгоизма – это самопожертвование.

Это заметил Николай Иртеньев: «Вследствие этих и многих других беспрестанных жертв в обращении папá с его женою в последние месяцы этой зимы, в которые он много проигрывал и оттого был большей частью не в духе, стало уже заметно перемежающееся чувство тихой ненависти, того сдержанного отвращения к предмету привязанности, которое выражается бессознательным стремлением делать все возможные мелкие моральные неприятности этому предмету».

– Иногда противоречивость поступков и состояний определяется темпераментом человека.

– О, да. В юности иногда мне хотелось смеяться и подпрыгивать, хотя за пять минут до этого хотелось плакать.

– Бывает, что люди слишком большое внимание направляют на один предмет или человека, выпуская из виду окружающее пространство.

– Николенька Иртеньев попадал в подобные ситуации: «...я встал, но уже не был в состоянии поклониться, и, выходя, провожаемый взглядами соболезнования матери и дочери, зацепил за стул, который вовсе не стоял на моей дороге, – но зацепил потому, что все внимание мое было устремлено на то, чтобы не зацепить за ковер, который был под ногами».

– Ваши герои часто испытывают противоречивые чувства?

– Часто. Например, в повести «Детство» Николенька вызывает на откровенный разговор своего брата Володю:

«Ты не хочешь спать, ты притворялся! — закричал я, заметив по его блестящим глазам, что он нисколько не думал о сне, и откинул одеяло. — Давай лучше толковать о ней. Не правда ли, что прелесть? Такая прелесть, что скажи она мне: „Николаша! Выпрыгни в окно или бросься в огонь“, ну, вот, клянусь! — сказал я, — сейчас прыгну, и с радостью. Ах, какая прелесть! — прибавил я, живо вообразив ее перед собою, и, чтобы вполне наслаждаться этим образом, порывисто перевернулся на другой бок и засунул голову под подушки. — Ужасно хочется плакать, Володя».

В повести «Детство» Николенька также испытывает противоречивые чувства в ситуации расставания с матерью: «Мне очень, очень жалко стало матушку, и вместе с тем мысль, что мы точно стали большие, радовала меня». «Выехав на большую дорогу, мы увидели белый платок, которым кто-то махал с балкона. Я стал махать своим, и это движение немного успокоило меня. Я продолжал плакать, и мысль, что слезы мои доказывают мою чувствительность, доставляла мне удовольствие и отраду».

- Человек может поневоле заражаться эмоциями тех людей, которых сам же и осуждает?
- Он может даже испытывать от этого удовольствие. Страшно утратить собственную чистоту и силу в постоянных столкновениях с ничтожеством и грязью – а приятно.
- А противоположная ситуация бывает?
- Да. Например, с тех пор, как Нехлюдов понял, что дурен и противен он сам себе, с тех пор другие перестали быть противны ему.

Иногда противоречивым бывает восприятие человека и его привязанностей: «Николенька Иртеньев долго смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слезы своей косынкой, и, всячески старался изменять свой взгляд на Василия. Он хотел найти ту точку зрения, с которой Василий мог казаться ей столь привлекательным. Но, несмотря на то, что Николенька искренно сочувствовал ее печали, он никак не мог постигнуть, каким образом такое очаровательное создание, каким казалась Маша в его глазах, могло любить Василия».

- Человек может совершенно сознательно колебаться между двумя выборами, разноравленными, но прилагаемыми к одному объекту?
- Это сложно. В молодости я был большим землевладельцем. Мне было приятно чувствовать свою власть над большою собственностью. Но, будучи восторженным последователем Герберта Спенсера я был неприятно поражен его заявлением о том, что справедливость не допускает частной земельной собственности.
- Раздираемый противоречиями, человек может совершить дурной поступок. А совершив один дурной поступок, он легче совершит и другие.
- Нет. Дурной поступок только накатывает дорогу к дурным поступкам; дурные же мысли неудержимо влекут по этой дороге.
- То есть, намерения иногда опаснее самого поступка и его последствий?
- Даже если поступка дурного не было, могло быть то, что много хуже такого поступка: те мысли, от которых происходят все дурные поступки. Поступок можно не повторить и раскаяться в нем, дурные же мысли родят все дурные поступки.
- Герои ваших произведений тоже противоречивы. Мне кажется, что литературный герой должен быть понятен читателю, а противоречия затрудняют этот процесс.
- Тогда это не герой, а типаж. Я всегда мечтал написать художественное произведение, в котором бы показал текучесть человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо. Человек не может быть однозначно хорошим или плохим. Нельзя в одном месте поднять уровень пруда.
- Каков второй вид парадоксальных ситуаций?
- Борьба мотивов. Когда я говорил про свое впечатление Ляпинского дома моим друзьям и знакомым, все выражали одобрение моей доброте и чувствительности и давали мне понимать, что зрелище это так особенно подействовало на меня только потому, что я, Лев Николаевич, очень добр и хорош. И я охотно поверил этому. И не успел я оглянуться, как вместо чувства упрека и раскаяния, которое я испытал сначала, во мне уже было чувство довольства перед своей добродетелью и желание высказать ее людям.

– Что произойдет, если человек попадет в условия, когда он вынужден пересмотреть свою самооценку?

– Жизнь постоянно нас бросает в подобные ситуации. Например, молодой человек считает свой вид благородным и значительным, но попадает в общество людей, которые выглядят гораздо благороднее и значительнее. Он падает с высоты прежней оценки себя ниже того уровня, которого достоин.

– Некоторые ваши герои поступают не в соответствии с разумными доводами, а зачастую вопреки им, руководствуясь какими-то глубинными, часто бессознательными, причинами.

– Да. Например, Василий Позднышев рассказывал о своем отношении к Трухачевскому, человеку, сыгравшему роковую роль в его жизни. Он очень не понравился Позднышеву с первого взгляда. Но какая-то странная, роковая сила влекла Василия к тому, чтобы не оттолкнуть его, не удалить, а, напротив, приблизить.

– Может быть, у него был комплекс вины, и он хотел измены жены? Или хотел избавиться от комплекса? В любом случае, он чувствовал, каким образом развернется этот сценарий. И играл согласно своей роли, наслаждался ею.

– Бывает, человек хочет одного, а поступает наоборот. Так разрушаются желания. Если человек говорит про поэтическое, знайте, что он лишен поэтического чувства. То же о религии, о науке (я любил говорить о науке). Тот, кто любит рассуждать о доброте, обычно зол. Поэтому дурное расположение духа не только не вредно, но всегда полезно для работы над собой. Станешь смотреть на плоды добра – перестанешь его делать, мало того – станешь тем, что смотришь, портишь его, тщеславишься, унываешь. Только тогда то, что ты сделал, будет истинным добром, когда тебя не будет, чтобы портить его. Но заготовляй его больше. Сей, сей, зная, что не ты, *человек*, пожнешь. Один сеет, другой жнет.

– Тогда, может быть, имеет смысл поддерживать в себе внутреннюю красоту?

– Чем больше человек привыкает к приятному и изящному, тем более он себе готовит лишений в жизни. Так называемые порядочные люди, *gens comme il faut*, ставя себя весьма высоко в собственном мнении, как только выходят из своей сферы и входят в сферу, в которой не ценятся условные достоинства порядочности, падают гораздо ниже людей непорядочных, которые, не гордясь ничем, стараются приобретать хорошее. Первые смотрят сверху и бездействуют, поэтому падают; вторые смотрят снизу и трудятся, поэтому поднимаются.

– В повседневной жизни вы подчеркиваете несоответствие, противоречивость и в своих повседневных делах?

– К этому нужно относиться с юмором.

Толстой считал, что самоирония спасает от гордыни. Об этом свидетельствуют его письма, дневниковые записи и высказывания. «Вчера много писал, – все о религии, — и потом обѣлся за завтраком, и весь день был вял». «Взял историю Кармазина и читал ее отрывками. Слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей. Нынче прибил Алешку». «Как комично то противопоставление, в котором я живу, в котором без ложной скромности вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с ними: борьба и участие в женских капризах, которым посвящаю большую часть времени».

– Вы описывали чувства и действия революционеров. Они тоже были противоречивыми.

– Они не противоречивые, а запутанные. С революционерами поступали, как на войне, и они, естественно, употребляли те же самые средства, которые употреблялись против них. Например, военные живут всегда в атмосфере общественного мнения, которое не только скрывает от них преступность совершаемых ими поступков, но представляет эти поступки подвигами. Точно так же и для политических существовала сопутствующая им атмосфера общественного мнения их кружка. Вследствие этого, совершаемые ими жестокие поступки, при опасности потери свободы, жизни и всего, что дорого человеку, представлялись им также

не только не дурными, но доблестными поступками. Самые кроткие по характеру люди, неспособные не только причинить, но видеть страдания живых существ, спокойно готовились к убийствам людей. Почти все признавали в известных случаях убийство, как орудие самозащиты и достижения высшей цели общего блага, законным и справедливым. Высокое же мнение, которое они приписывали своему делу, а вследствие того и себе, естественно вытекало из значения, которое придавало им правительство, жестоко наказывающее их. Им надо было иметь о себе высокое мнение, чтобы быть в силах переносить то, что они переносили.

– Поэтому арест зачастую приносил им чувство облегчения?

– Для настоящих революционеров арест это отдых, успокоение. Нелегальный живет вечно в тревоге и материальных лишениях и страхе и за себя, и за других, и за дело. Когда, наконец, его берут, то вся ответственность снята: сиди и отдыхай.

– Однако первый раз лишение свободы приносит настоящий психологический шок. Те, кто сможет с ним справиться, особенно при поддержке товарищей, продолжает борьбу. Остальные ломаются.

– Сверять свои поступки нужно не с товарищами, а с Богом.

– Бывает ли, что тяжелое положение в семье или тяжелые обстоятельства придают человеку столько бодрости, сколько у него не было в минуты безмятежного существования?

– Когда у моего девятилетнего сына Николая обнаружили болезнь мозга, жена то отчаивалась, что он умрет, то отчаивалась, что он останется жив идиотом. И странно: я чувствовал такую потребность и радость в работе, как никогда.

Такая же ситуация имела место после смерти Ванечки. Лев Николаевич писал А. А. Толстой: «Телесная болезнь Сони, кажется, не опасна и не тяжела; но душевная боль ее очень тяжела, хотя, мне думается, не только не опасна, но благотворна и радостна, как роды, как рождение к духовной жизни. Горе ее огромно. Она от всего, что было для нее тяжелого, неразъясненного, смутно тревожащего ее в жизни, спасалась в этой любви, любви страстной и взаимной к действительно особенно духовно, любовно одаренному мальчику. Он был один из тех детей, которых Бог посылает преждевременно в мир, еще не готовый для них, один из передовых, как ласточки, прилетающие слишком рано и замерзающие. И вдруг он взят был у нее, и в жизни мирской, несмотря на ее материнство, у нее как будто ничего не осталось. И она невольно приведена к необходимости подняться в другой, духовный мир, в котором она не жила до сих пор. И удивительно, как ее материнство сохранило ее чистой и способной к восприятию духовных истин. Она поражает меня своей духовной чистотой — смирением особенно. Она еще ищет, но так искренно, всем сердцем, что я уверен, что найдет. Хорошо в ней то, что она покорна воле Бога и только просит его научить ее, как ей жить без существования, в которое вложена была вся сила любви. И до сих пор еще не знает как. Мне потеря эта больна. Но я далеко не чувствую ее так, как Соня, во-1-х, потому что у меня была и есть другая жизнь, духовная, во-2-х, потому что я из-за ее горя не вижу своего лишения и потому что вижу, что что-то великое совершается в ее душе, и жаль ее, и волнует меня ее состояние. Вообще могу сказать, что мне хорошо».

– Очень часто вступают в противоречие самовосприятие и восприятие человека другими людьми. Все, что выходит за рамки стереотипа, начинает интенсивно оцениваться, причем с одной-единственной, своей собственной, точки зрения. Человек ставил себя на место другого, и, если поступок не соответствовал его логике, считал его непродуманным или даже глупым. Например, вы в глазах нищего, которому рассказывали о своем учении, «теряли свое лицо».

– Нищий не доверял мне и, наверное, презирал. Всякий раз, как мне случалось на улице или дома давать бедному, не разговаривая с ним, какую-нибудь мелкую монету, я видел или

мне казалось, что я видел, удовольствие и благодарность на лице бедного, и сам испытывал при этой форме благодарности приятное чувство. Я видел, что я сделал то, что желал и ожидал от меня человек. Но если я останавливался с бедным и с участием расспрашивал его о его прежней и теперешней жизни, более или менее входил в подробности его жизни, я чувствовал, что нельзя уже дать три или двадцать копеек. Я начинал перебирать в кошельке деньги, сомневаясь, сколько дать, давал всегда больше и всегда видел, что бедный уходит от меня недовольный.

– Почему? Ведь он получил больше, чем рассчитывал?

– Если я давал после сближения с бедным три рубля и больше, то почти всегда я видел мрачность, недовольство, злобу даже на лице бедного. Случалось, что, взяв десять рублей, он уходил, не сказав даже спасибо, так, как будто я обидел его. И при этом мне всегда бывало неловко, совестно, и я всегда чувствовал себя виноватым. Если же я неделями, месяцами, годами следил за бедным, и помогал ему, и высказывал ему свои взгляды, и сближался с ним, то отношения с ним становились мукой. Я видел, что бедный презирает меня. И я чувствовал, что он прав.

– В чем он прав?

– В том, что я имею больше, чем мне нужно. Необходимое не отдают, поэтому мой поступок непонятен. Например, помещик Нехлюдов передал свою землю крестьянам. Но он видел, что крестьяне, несмотря на то, что некоторые из них говорили ему благодарственные слова, были недовольны и ожидали чего-то большего. Выходило, что он лишил себя многого, а крестьянам не сделал того, чего они ожидали. Нехлюдов говорил довольно ясно, и мужики были люди понятливые; но его не понимали и не могли понять по той самой причине, по которой приказчик тоже долго не понимал. Они были, несомненно, убеждены в том, что всякому человеку свойственно соблюдать свою выгоду. Про помещиков же они давно уже по опыту нескольких поколений знали, что помещик всегда соблюдает свою выгоду в ущерб крестьянам. И потому, если помещик призывает их и предлагает что-то новое, то, очевидно, для того, чтобы как-нибудь еще хитрее обмануть их.

– Поэтому они искали эту выгоду и не могли согласиться на предложение Нехлюдова, пока она не будет обнаружена?

– Да. На их согласие имело влияние объяснение поступка барина, высказанное одной старушкой, состоящее в том, что барин стал думать о душе и поступает так для ее спасения.

– Вы отмечали противоречивость поставленной цели и обыденного поведения.

– Они не часто совпадают. Например, Николенька Иртеньев, будучи подростком, решил: «Надо скорей, скорей, сию же минуту сделаться другим человеком и начать жить иначе». Несмотря на это он, однако, долго еще сидел на окне, мечтая и ничего не делая. В юности противоречивость цели и поведения проявилась в чувствах Николая, которому понравилась девочка. Но вследствие этого он почувствовал неопределенное желание сделать или сказать ей какую-нибудь небольшую неприятность. Это же факт я описал и в поведении других героев «Юности», например, мачехи Николая, Авдотьи Васильевны, единственной целью жизни которой было приобретение любви своего мужа. Но она делала, казалось, нарочно все, что только могло быть ему неприятно, и все с целью доказать ему всю силу своей любви и готовности самопожертвования. Она снова каждую ночь первая встречала его, когда он возвращался из клуба. К этим встречам, впрочем, кроме своей страсти к самопожертвованию, побуждала ее еще затаенная ревность, от которой она страдала в сильнейшей степени. Никто в мире не мог бы ее убедить, что муж возвращался поздно из клуба, а не от любовницы. Она старалась прочесть на лице мужа его любовные тайны; и, не прочтя ничего, с некоторым наслаждением горя вздыхала и предавалась созерцанию своего несчастья.

– То есть, человек как бы раздваивается: говорит одно, и тут же делает другое?

– Бывает. Например, в «Истории вчерашнего дня» герой вел себя не совсем логично. Так как он был занят рассуждением о формулах третьего лица, то не заметил, как тело его, извинившись очень прилично, что не может остаться, положило опять шляпу и село преспокойно в кресло. Видно было, что умственная сторона его не участвовала в этой нелепости.

– Каков третий вид парадоксальных ситуаций?

– Несоответствие между желаниями. Я писал детям, что жалко и еще грустно, что я не могу и не умею сказать того, что так ясно и так нужно им. Вроде чувства немого, который не может передать то, что знает, и то, что нужно и спасительно знать тем, кому он хотел бы сказать. Все это испытываемое мною чувство умиленного над собою уныния скорее нехорошо, но мне все-таки хотелось высказать его, чтобы они знали меня, какой я есть, и помогали бы мне иногда выходить из него. Главное в этом чувстве, обманчивое то, что себя хвалишь за то, что для тебя ничего не нужно, готов служить всем и все делать, но просишь от людей только немножко любви. Вроде Фета: дайте мне все, что нужно для жизни, и тогда мне ничего не нужно. Дайте мне любви, то есть высшего блага, и тогда мне ничего не нужно. Но нет, ты сам давай ее, коли ты знаешь, как она нужна сердцу человеческому.

– Может ли эгоистичный, избалованный ребенок развиваться в нравственного человека?

– Вспоминаю свою изломанность, испорченность в молодости. Я испорчен ранней развращенностью, роскошью, обжорством и праздностью. Если бы этого всего не было, я бы теперь, в 65 лет, был свеж и молод. Но разве эта испорченность пропала даром? Все мои нравственные требования выросли из этой испорченности.

– Обычно самая распространенная парадоксальная ситуация кроется в подсознательной мотивации.

– Часто то, чего человек не замечает, на самом деле определяет его поведение. Например, герой рассказа «Святочная ночь», московский танцор, мечтал о том, как бы ему, невинному и стыдливому, как девушка, – попасть на скандальные вечера госпожи З. и сойтись на «ты» со старым, скандально-развратным холостяком Долговым.

– И стать таким же, как Долгов? Пасть в глазах высшего общества?

– Оно обычно лживо. Например, дама с ужасом говорит, что содрогается от мысли об убийстве, а сама требует поддержания той жизни, которая невозможна без убийств.

– Разве общество не может выносить справедливое суждение?

– Не путайте общество и народ. Народ обычно не ошибается. А общество прибегает к услугам специальных людей, адвокатов, которые блестяще выворачивают закон наизнанку. Например, Нехлюдов видел старушку, у которой гениальный адвокат сумел отнять ее имущество в пользу дельца, не имевшего на это имущество никакого права. Это знали и судьи, а тем более истец и его адвокат; но придуманный ими ход был такой, что нельзя было не отнять имущество у старушки и не отдать его дельцу. Вот вам и справедливое суждение.

– Можно ли полностью исключить из жизни людей все зло?

– Наверное, нет. Странная грустная вещь – всегда несогласуемое противоречие во всех стремлениях человека. Но жизнь как-то по-своему соединяет все эти стремления, и из всего этого выходит что-то такое неконченное, не то дурное, не то хорошее, грустное, жизненное. Всегда полезное противоположно прекрасному. Цивилизация исключает поэзию. Полей с нарциссами уже остается мало, потому что скотина не любит их в сене.

– Но слишком много нарциссов тоже плохо?

– Любое «слишком» – плохо. Вот была в индийском городе Сурате кофейная. И сходились туда из разных земель проезжие и иностранцы и часто беседовали. Зашел туда раз персидский ученый-богослов. Он всю жизнь изучал сущность божества и читал и писал о том книги. Долго думал, читал и писал о Боге, зашел у него ум за разум, спуталось у него все в голове, и дошел он до того, что перестал верить в Бога.

Слишком сильные эмоции блокируются, чтобы не нанести вред человеку. Николенька Иртеньев потерял мать, смерть которой оказалась для него слишком сильным переживанием, которое тут же компенсировалось: «Вспоминая теперь свои впечатления, я нахожу, что только одна эта минута самозабвения была настоящим горем. Прежде и после погребения я не переставал плакать, и был грустен, но мне совестно вспомнить эту грусть, потому что к ней всегда примешивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желание показать, что я огорчен больше других, то бесцельное любопытство, которое заставляло делать наблюдения над чепцом Мими и лицами присутствующих. Я презирал себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался скрывать все другие; от этого печаль моя была неискренна и неестественна. Сверх того, я испытывал какое-то наслаждение, зная, что я несчастлив, старался возбуждать сознание несчастья, и это эгоистическое чувство больше других заглушало во мне истинную печаль».

– Парадоксы ярко проявляются и в патологии личности.

– Большая часть сумасшедших женщин, чем они чище и нравственнее, тем в сумасшествии цинично-безнравственнее, наглее. Ужасно!

– Вы говорили и писали о парадоксах в образовании. Какой, с вашей точки зрения, является самым главным?

– То, что малообразованный народ хочет образовываться, более образованный класс хочет образовывать народ, но народ подчиняется образованию только при насилии.

– Почему же народ так сопротивляется?

– А отчего безграмотные люди разумнее ученых? Оттого, что в их сознании не нарушена естественная и разумная постепенность важности предметов, вопросов. Ложная же наука производит это нарушение.

– Как же тогда стремиться к совершенному?

– С осторожностью. Совершенное возможно в воображении, как вечное движение возможно без трения и тяготения. Одновременно самое увлечение красотой и истиной мешает осуществлению красоты и истины.

– Как же быть?

– Думать. Со мной так часто бывало, приходит мысль, кажущаяся странной, парадоксом. Потом она приходит с другой стороны, в другой, третий раз. Начинаешь думать о предметах и мыслях, связанных с нею, и вдруг приходишь к убеждению, что это не только не парадокс, не случайная мысль, а самая основная, важная, которая открывает новую важную сторону жизни. Так это было с мыслью о призвании человека совершенствоваться.

Б. И. Бурсов отмечает, что всю жизнь Толстой считал, что живет, думает, поступает не так, как должен жить, думать, поступать. Он ставил перед собой такие духовные, нравственные и практические задачи, которые до конца никогда не мог исполнить. Либо они вообще были неисполнимы, либо пересматривались и заменялись новыми, на осуществление которых просто не хватало времени, так как вскоре на смену этим последним приходили другие. Позже, собственно, уже к концу его жизни, Софья Андреевна напишет, что, например, в хозяйстве большинство своих начинаний Толстой не доводил до конца. Она это оценила как непостоянство, нетвердость его характера. В действительности надо говорить о неустанном стремлении Толстого к новому, когда для него становилась ясна иллюзорность прежнего увлечения, о неутомимом движении его могучего духа.

Беседа 6. Разрушение Ада и восстановление его

– Человека постоянно тянет в разные стороны. Часто он хочет одного, а делает другое. Разве человек не может быть спокойным и гармоничным?

– Полной гармонии не бывает. Однако это не означает, что между поступками людей и их целями воздвигнута непроходимая стена. Люди целостны. Но они неоднозначно целостны.

– Что определяет эту целостность?

– Самолюбие. Я думаю, что всякий человек самолюбив, и все то, что он ни делает, – все из самолюбия.

– Что такое самолюбие?

– Самолюбие есть убеждение в том, что я лучше и умнее всех людей.

– Да как же могут быть все в этом убеждены?

– Уж не знаю, справедливо ли, или нет, только в этом никто не признается. Я убежден, что я умнее всех на свете, и уверен, что вы тоже уверены в этом.

– Нет, я вовсе так не считаю.

– Я вам это докажу. Отчего мы самих себя любим больше других? Оттого, что мы считаем себя лучше других, более достойными любви. Если бы мы находили других лучше себя, то мы бы и любили их больше себя, а этого никогда не бывает.

– Бывает. Это любовь матери, это любовь женщины к мужчине.

– Которые в чистом виде не встречаются. Кроме того различные явления жизни можно объединить в две группы: в одних преобладает внутреннее (содержание), в других – внешнее (форма). К числу последних, в противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную.

Иногда внутреннее или внешнее преобладает в жизни человека. Например, жизнь Ивана Ильича была лишена подлинно живого начала — и потому это была хотя и самая простая и обыкновенная, но и самая ужасная жизнь. Это было просто существование как мостик между прошлым и будущим. Всю свою жизнь до болезни Иван Ильич только и делал, что подавлял в себе человека. Человеческое подавлялось вещами, суетными желаниями, отношениями к людям, которые носили формальный характер.

– В рассказе «О разрушении и восстановлении Ада» соотношение внутреннего и внешнего составляет суть движения истории. Ад был разрушен учением и страданиями Христа. Как же он был восстановлен?

– Прежде всего, заменой внутреннего содержания на внешнее. Вместо следования Евангелию в душе своей люди создали церковь. Делается же церковь так: люди уверяют себя и других, что учитель их, Бог, во избежание того, чтобы открытый им людям закон не был ложно перетолкован, избрал особенных людей, которые одни они или те, кому они передадут эту власть, могут правильно толковать его учение. Так что люди, называющие себя церковью, считают, что они в истине не потому, что то, что они проповедуют, есть истина, а потому, что они считают себя единственными законными преемниками учеников учеников учеников и, наконец, учеников самого учителя – Бога.

– А что здесь плохого? Они, действительно, лучше знают учение Христа.

– Признав себя единственными толкователями закона Бога и убедив в этом других, люди эти сделали высшими решителями судеб людей и потому получили высшую власть над ними. Получив же эту власть, они, естественно, возгордились и большей частью развратились и тем вызвали против себя негодование и вражду людей. Для борьбы же со своими врагами они, не имея другого орудия, кроме насилия, стали гнать, казнить, жечь всех тех, кто не призна-

вал их власти. Так что они самым своим положением были поставлены в необходимость перетолковать учение в таком смысле, чтобы оно оправдывало их дурную жизнь, и те жестокости, которые они употребляли против своих врагов. Они так и сделали.

– Ну, это было давно. Сейчас мы идем в церковь, чтобы укрепить свою волю, чтобы приобщиться к Богу, например, через таинства крещения, погребения, брака.

– Они уверяют людей, что настоящий брак состоит не в том, в чем он действительно состоит, в соединении мужчины с женщиной, а в том, чтобы нарядиться в самые лучшие платья, пойти в большое, устроенное для этого здание и там, надевши на головы особенные, приготовленные для этого шапки, под звуки разных песен обойти три раза вокруг столика. И люди, уверившись в этом, естественно, считают, что всякое вне этих условий соединение мужчины с женщиной есть простое, ни к чему их не обязывающее удовольствие или удовлетворение гигиенической потребности. Поэтому, не стесняясь, предаются этому удовольствию.

– Сейчас для соединения мужчины и женщины в браке церковь не обязательна.

– Но за развитие души жены и детей мужчина отвечает перед Богом. Это серьезно.

– Хорошо, а какие еще заповеди нарушаются?

– Для утверждения права грабежа дьяволы внушали людям, что вместо того, чтобы им грабить друг друга, им выгоднее позволить грабить себя одному человеку, предоставив ему полную власть надо всем. Для утверждения права грабежа одним человеком других людей мы ведем этого человека в храм. Там мы надеваем на него особенную шапку, сажаем на высокое кресло, даем ему в руки палочку и шарик, мажем постным маслом и во имя Бога и его Сына провозглашаем особу этого помазанного маслом человека священной. Так что грабеж, производимый этой особой, считающейся священной, уже ничем не может быть ограничен. И священные особы, и их помощники, и помощники помощников все, не переставая, спокойно и безопасно грабят народ.

– А как с заповедью «не убий»?

– Внушают, что лучшее средство отучить людей от убийства состоит в том, чтобы самим учителям публично убивать тех, которые убили. Этот способ не столько дает нам убийц, сколько приготавливает их для нас.

– Вы писали, что внешняя сторона жизни губит жизнь духовную, в связи с чем отрицали роль науки и техники в развитии человечества.

– Я отрицал не науку, а ложную науку, в которой нет правильного направления знаний.

– Почему же нет? Огюст Конт, например, создал науку социологию, чтобы показать, как нужно жить людям, чтобы быть счастливыми.

– Зачем? Это и так ясно: соблюдай установление законов жизни, которое указано в учении Христа. А Конт, по крайней мере, вначале, отрицал религиозное учение, в том числе и учение Христа, утверждая, что оно есть заблуждение и суеверие, а что узнать о том, как им надо жить, они могут из придуманной им науки, называемой социологией. Конт был уверен, что надо только изучить жизнь прежних людей, и из этого изучения можно вывести общие законы жизни. Для того чтобы жить хорошо, людям надо будет только сообразоваться в своей жизни с этими выдуманскими ими законами.

– В таком случае как быть с развитием техники и технологий?

– Люди начинают думать, что если они сделают много вещей, то чем скорее они будут делать их, тем это будет для них лучше. И они, губя свои жизни для произведения вещей, делают их все больше и больше, несмотря на то, что вещи эти не нужны тем, кто заставляют их делать, и недоступны тем, которые их делают.

– Техника освобождает людей от тяжелого труда.

– Не только освобождает, но и подчиняет человека, включая его в процесс труда. Люди, превращенные в машины, ненавидят тех, которые сделали это над ними.

– А как же транспорт? Поезда ведь существуют не только для того, чтобы давить отчаявшихся красивых женщин?

– А нужно ли людям как можно скорее переезжать с места на место? Вместо того чтобы улучшать свою жизнь каждому на своих местах, они проводят большую часть ее в переездах с места на место и очень гордятся тем, что в час могут проехать пятьдесят верст и больше.

– Но вы же не будете отрицать значение книгопечатания?

– Если его роль состоит в том, чтобы как можно большему числу людей сообщить все те гадости и глупости, которые делаются и пишутся на свете, то отрицаю.

– А искусство в чем провинилось?

– Само искусство ни в чем не провинилось, особенно если в его основе положено учение Христа. Но часто под видом утешения и возбуждения возвышенных чувств в людях, искусство потворствует их порокам, изображая их в привлекательном виде.

– Простите, но вы не смогли выздороветь, потому что в то время не было антибиотиков, способных вылечить воспаление легких.

– Скажите проще: «Умер». Медицина внушает людям, что самое нужное для них дело – это забота о своем теле. А так как забота о своем теле не имеет конца, то люди, заботящиеся с помощью медицины о своем теле, не только забывают о жизни других людей, но и о своей собственной.

– Понятно. А вот самое важное – воспитание подрастающего поколения.

– Правильно, это важно. Но еще более важно, кто воспитывает. А в системе образования и воспитания люди могут, живя дурно и даже не зная того, в чем состоит хорошая жизнь, учить детей хорошей жизни.

– Но есть еще и принудительное воспитание, система исправления преступников.

– То же самое. Порочные люди думают, что они могут исправлять порочных людей.

– Откуда берутся пороки?

– Люди вместо того, чтобы избавиться от страданий, производимых дурной жизнью, стараясь жить лучше, забываются под влиянием одурения вином, табаком, опиумом, морфином.

– А как же добродетели, например, благотворительность?

– Сама по себе благотворительность пагубна. Люди думают, что, грабя пудами и давая ограбленным золотниками, они добродетельны и не нуждаются в усовершенствовании. Это делает их недоступными к добру.

– Значит, нужно уничтожить социальное неравенство!

– Да, но не так, как это делают социалисты. Они во имя самого высокого общественного устройства жизни людей возбуждают вражду сословий.

– Нужно бороться за свои права: сословий, народов, рас, женщин!

– Чтобы для более усовершенствованного устройства жизни, кроме вражды сословий, возбуждать еще и вражду между полами?

– Если я правильно поняла, то в любом поступке можно обнаружить ориентацию на внешнюю сторону жизни и на внутреннюю, и внешняя, хоть и необходима, не недостаточна, чтобы человек жил правильно?

– Есть жизнь разумная, а есть личностная. Личностная, в свою очередь, может быть двух видов. Примером первого вида, в котором главное – быть принятым в обществе, – может служить жизнь Бориса Друбецкого. Он был небогат, но последние свои деньги употреблял на то, чтобы быть одетым лучше других. Он скорее лишил бы себя многих удовольствий, чем позволил бы себе ехать в дурном экипаже или показаться в старом мундире на улицах Петербурга. Сближался он и искал знакомств только с людьми, которые были выше его и потому могли быть ему полезны. Он любил Петербург и презирал Москву. Даже воспоминание о доме Ростовых и о его детской любви к Наташе ему было неприятно, и он с самого отъезда в армию ни разу не был у Ростовых.

– Что предполагает второй вид личностной жизни?

– Любовь к себе. Например, Анатолий Курагин был весьма доволен своим положением, собой и другими. Он был инстинктивно, все существом своим убежден в том, что ему нельзя было жить иначе, чем так, как он жил, и что он никогда в жизни не сделал ничего дурного. Он не был в состоянии обдумать ни того, как его поступки могут отзываться на других, ни того, что может выйти из того или иного его поступка. Он был убежден, что как утка сотворена так, что она всегда должна жить в воде, так и он сотворен Богом так, что должен жить в тридцать тысяч дохода и занимать всегда высшее положение в обществе. Он так твердо верил в это, что, глядя на него, и другие были убеждены в этом и не отказывали ему ни в высшем положении в свете, ни в деньгах, которые он, очевидно без отдачи, занимал у встречного и поперечного. Он не был игрок, по крайней мере, никогда не желал выигрыша, даже не жалел проигрыша. Он не был тщеславен. Ему было совершенно все равно, что бы о нем ни думали. Еще менее он мог быть повинен в честолюбии. Он несколько раз дразнил отца, портя свою карьеру, и смеялся над всеми почестями. Он не был скуп и не отказывал никому, кто просил у него. Одно, что он любил, – это было веселье и женщины. Так как, по его понятиям, в этих вкусах не было ничего неблагородного, а обдумать то, что выходило для других людей из удовлетворения его вкусов, он не мог, то в душе своей он считал себя безукоризненным человеком, искренно презирал подлецов и дурных людей и со спокойной совестью высоко носил голову. У кутил, у этих мужских магдалин, есть тайное чувство сознания невинности, такое же, как и у магдалин-женщин, основанное на той же надежде прощения: «Ей простится, потому что она много любила; и ему все простится, потому что он много веселился».

– К какому типу относится Стива Облонский, брат Анны Карениной?

– И к тому, и к другому одновременно. Он зависел от мнения других. Степан Аркадьевич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно, не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство, и изменял их, когда большинство изменяло, или, лучше сказать, не изменял их, а они сами в нем незаметно изменялись. Степан Аркадьевич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят. А иметь взгляды ему, жившему в известном обществе, при потребности некоторой деятельности мысли, развивающейся обыкновенно в лета зрелости, было так же необходимо, как иметь шляпу. Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, то это произошло не потому, что он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно было ближе его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России все скверно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения. И действительно, Степан Аркадьевич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти странные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело.

– За что же его уважали в обществе?

– Главные качества Степана Аркадьевича, заслужившие ему общее уважение по службе, состояли, во-первых, в чрезвычайной снисходительности к людям, основанной в нем на сознании своих недостатков; во-вторых, в совершенной либеральности, не той, про которую он вычитал в газетах, но той, что у него была в крови, и с которой он совершенно равно и одинаково относился ко всем людям, какого бы состояния и звания они ни были, и, в-третьих, –

главное – в совершенном равнодушии к тому делу, которым он занимался, вследствие чего он никогда не увлекался и не делал ошибок.

Внешний контроль важен для внутреннего совершенствования личности, без чего человек остается на уровне самосозерцания. Любовь к себе не требует доказательств, а вот любовь и уважение других нужно поддерживать. Результат, как правило, бывает положительным: «... ежели бы не учителя, которые продолжали ходить ко мне, не St.-Jerome, который изредка нехотя подстрекал мое самолюбие, и, главное, не желание показаться дельным малым в глазах моего друга Нехлюдова, то есть выдержать отлично экзамен, что, по его понятиям, было довольно важною вещью, — ежели бы не это, то весна и свобода сделали бы то, что я забыл бы даже все то, что знал прежде, и ни за что бы не выдержал экзамена».

– Во время переписи вы видели разных людей, в том числе тех, кто опустился с достаточно высоких ступеней социальной лестницы на низкие. Как переживали эти люди отсутствие социальной поддержки?

– Более падших, несчастных и старых, обрюзгших, и молодых, бледных, растерянных лиц не было в этом доме. Я поговорил с некоторыми из них. Почти всё одна и та же история, только в разных степенях развития. Каждый из них был богат. Или отец, или брат, или дядя его были теперь еще богаты. Или отец его, или сам он имели прекрасное место. Потом случилось несчастье, в котором виноваты или завистники, или собственная доброта, или особенный случай. И вот он потерял все и должен погибать в этой несвойственной, ненавистной ему обстановке – во вшах, оборванный, с пьяницами и развратниками, питаясь печенкой и хлебом и протягивая руку. Все мысли, желания, воспоминания этих людей обращены только к прошедшему. Настоящее представляется им чем-то несущественным, отвратительным и не заслуживающим внимания. У каждого из них нет настоящего. Есть только воспоминания прошедшего и ожидания будущего, которые могут всякую минуту осуществиться и для осуществления которых нужно очень мало. Но этого-то малого нет, негде взять, и вот, погибает напрасно жизнь – у одного первый год, у другого – пятый, у третьего – тридцатый.

– Что же им нужно?

– Они все говорят, что им нужно только что-то внешнее для того, чтобы снова стать в то положение, которое они считают для себя естественным и счастливым.

– И если им дать то, о чем они просят, они смогут быть счастливыми?

– Несчастье их не поправимо внешними средствами. Они ни в каком положении не могут быть счастливы, если взгляд их на жизнь останется тот же. Они желают меньше трудиться и больше пользоваться трудами других.

– Выходит, им нельзя помочь?

– Помочь такому человеку можно только тем, чтобы переменить его мирозерцание. А чтобы переменить мирозерцание другого человека, надо самому иметь свое лучшее мирозерцание и жить сообразно с ним.

– Нужно изменить картину мира?

– Да. Щенка можно взять, выхолить, накормить и научить носить поноску и радоваться на него; но человека недостаточно выхолить, накормить и научить по-гречески: надо научить человека жить, то есть меньше брать от других, а больше давать.

– Что является мерилем правильных поступков?

– Смерть. Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и – неизвестность, страдания и смерть. И что там? Кто там? Там, за этим полем, и деревом, и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать. Страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее. И знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что там, по той стороне черты, как и неизбежно узнать, что там, по ту сторону смерти.

– Вы узнали?

– Разумеется.

– Можете рассказать?

– Нет.

– Почему?

– Рассказывать может только тот, кто знает достоверно, и тот, кто жив.

– Понятно. Иногда в человеке есть потенции, которые он мог бы употребить во благо людям, и употребляет, но оказывается, что внутренняя суть зачастую уходит от него.

– В таком положении оказался отец Сергей, когда он несколько недель жил с одной неотступною мыслью: хорошо ли он делал, подчиняясь тому положению, в которое он не столько сам стал, сколько поставили его архимандрит и игумен. Началось это после выздоровления четырнадцатилетнего мальчика. С тех пор, с каждым месяцем, неделей, днем Сергей чувствовал, как уничтожалась его внутренняя жизнь и заменялась внешней. Точно его выворачивали наружу. Сергей видел, что он был средством привлечения посетителей и жертвователей к монастырю, и что потому монастырские власти обставляли его такими условиями, в которых бы он мог быть наиболее полезен. Ему, например, не давали возможности трудиться. Для его удобства устроили дни, в которые он принимал. По мере того как он отдавался этой жизни, он чувствовал, как внутреннее переходило во внешнее, как иссякал в нем источник воды живой, как то, что он делал, он делал все больше и больше для людей, а не для Бога.

– Он страдал от этого?

– «Насколько то, что я делаю, для Бога и насколько для людей?» – вот вопрос, который постоянно мучил его, и на который он никогда не то что не мог, но не решался ответить себе. Он чувствовал в глубине души, что дьявол подменил всю его деятельность для Бога деятельностью для людей. Он чувствовал это по тому, что если раньше ему тяжело было, когда его отрывали от его уединения, то сейчас ему стало тяжело уединение. Он тяготился посетителями, уставал от них, но в глубине души радовался им, радовался тем восхвалениям, которыми окружали его.

– Но это не мешало людям принимать его помощь.

– Его считали угодником, таким, чья молитва исполнялась. Он отрекался от этого, но он в глубине души сам считал себя таким. И ему вдруг стало совестно своего тщеславия, и он стал опять молиться Богу: «Господи, царю небесный, утешителю, душе истины, приди и вселися в ны, и очисти ны от скверны, и спаси, блаже, души наши. Очисти от скверны славы людской, обуревающей меня», – повторил он и вспомнил, сколько раз он молился об этом и как тщетны были до сих пор в этом отношении его молитвы. Молитва его делала чудеса для других, но для себя он не мог выпросить у Бога освобождения от этой ничтожной страсти.

– Почему то, что он предлагал другим, не помогало ему самому?

– Есть разница – просить для других и просить для себя. К себе он был строг. Он спросил себя: любит ли он кого, любит ли Софью Ивановну, отца Серапиона, испытал ли он чувство любви ко всем этим лицам, бывшим у него нынче, к этому ученому юноше, с которым он так поучительно беседовал, заботясь только о том, чтобы показать ему свой ум и неотсталость от образования. Ему приятна, нужна любовь от них, но к ним любви он не чувствовал. Не было у него теперь любви, не было и смирения, не было и чистоты.

– Отцу Сергию во сне было послание найти свою старую знакомую, которая помогла бы ему.

– Так и вышло.

Он подумал: «Так вот что значил мой сон. Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мыслей о награде, дорожке облагодетельствованных мною для людей. Но ведь была доля искреннего желания служить

Богу?» — спрашивал он себя, и ответ был: «Да, но все это было загажено, заросло славой людской. Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его».

– Как он справился с соблазном?

– Перестал ждать благодарности. Если удавалось ему послужить людям или советом, или грамотой, или уговором ссорящихся, он не видел благодарности, потому что уходил. И поне-многу Бог стал проявляться в нем.

– То есть, неважно, как люди отнесутся к тому, что им дают, будь то какая-то вещь, деньги или ценный совет?

– Да. Я говорил себе: не нужно добиваться того, чтобы они тебя поняли. Когда заводишь разговор о смерти, об уничтожении или неуничтожении, многие не понимают так же, как не понимают дети. И сколько таких людей! А ты разговариваешь с ними и огорчаешься, что они не соглашаются! Тут ужасно трудно установление такого отношения, чтобы не презирать, а любить их, как любишь животных, не требуя от них большего, чем требуешь от животных. Главное то, что многие из них сами разрушают это отношение, вступая в споры о том состоянии души, которое недоступно им. Относись к ним всегда с уважением, как к понимающим. Это тебе тяжело, больно, что они оскорбляют самое дорогое тебе. Терпи. Ты не знаешь, когда они проснутся. Может быть, сейчас, и ты, твои слова – то самое, что пробудит их.

– Наверное, они не понимают логики.

– Иногда видишь людей, которые могут служить, писать книги, производить художественные вещи, но не могут понимать самого главного: смысла жизни, и даже полагают, что этого совсем и не нужно. Какие-то духовные кастраты. И имя им легион. Я был окружен ими.

Потребность проявить, высказать то, что у человека на душе, приобщить другого к своему внутреннему миру, быть понятым, присуца героям Толстого в гипертрофированном виде. И обычное полувнимательное отношение в процессе общения заставляет их если не страдать, то, по крайней мере, обижаться. Николай Иртеньев замечает: «Должен, однако, сознаться, что мне было несколько неприятно то, что никто не обратил особенного внимания на мою кротость и добродетель».

– Качества, необходимые для разумной жизни, глубоко внутренни, они принадлежат даже не характеру, а особенностям мировосприятия. Но внешний контроль и оценка необходимы молодому человеку, потому что именно в этот период вырабатываются представления об идеале.

– Конечно, необходимы. Например, Николай Иртеньев в юности исповедуется священнику, приехавшему к ним в дом. Для Николая было важно вспомнить все грехи, чтобы освободиться от них. Он пробыл не более пяти минут в бабушкиной комнате, но вышел оттуда счастливым и, по его тогдашнему убеждению, совершенно чистым, нравственно переродившимся и новым человеком.

– И тут он совершил ошибку, думая, что простой человек, хоть и священник, в полной мере представляет Бога?

– Он забыл один грех и не покался в нем. Тогда он решил исповедоваться еще раз. Ему казалось, что теперь духовник, верно, думает, что такой прекрасной души молодого человека, как Николай, он никогда не встречал в жизни, да и не встретит, что даже и не бывает подобных. Николай в этом был убежден; и это убеждение произвело в нем чувство веселья такого рода, которое требовало того, чтобы кому-нибудь сообщить его.

– И когда сообщил...

– То был не понят. Поэтому пошел к причастию в каком-то странном положении торопливости мыслей и с совершенным недоверием к своим прекрасным наклонностям.

– Специфику взаимодействия внешнего и внутреннего вы увидели и в групповом поведении. Так описывается кутеж в повести «Юность»: «...в продолжение всего этого вечера я беспрестанно чувствовал, что я очень глупо делаю, притворяясь, будто бы мне очень весело»?

– Иногда человек вынужден действовать так, как требуют правила в обществе. Например, юноша, желая быть «человеком чести», требует дуэли, а сам чуть не плачет. Чем пристальнее следит за действиями человека общество, тем труднее ему оставаться самим собой.

Например, чувствуя, что он вместе с другими скачущими составляет центр, на который устремлены все глаза, Вронский в напряженном состоянии, в котором он обыкновенно становился медлителен и спокоен в движениях, подошел к своей лошади. А минутами позднее потерпел сокрушительное фиаско.

С. Г. Бочаров утверждает, что в романах Толстого сетка сюжетных взаимоотношений героев не есть прямая проекция вовне линий их внутреннего развития — последние не могут быть спроецированы, ибо они представляют особые миры со своими специфическими закономерностями, миры, бесконечно более широкие, чем внешние проявления действующих лиц, их видимая жизнь, миры, далеко не исчерпывающиеся и не покрываемые поступками. Связь психологического и сюжетного планов принимает характер опосредствованной, сложной, не прямой связи. Вернее, внутренние соотношения персонажей образуют особый, «внутренний» сюжет, обладающий своей собственной логикой, сюжет сплетения, пересечения, узловых точки линий которого далеко не прямо соответствуют сплетениям и пересечениям внешних судеб тех же персонажей в ходе действия.

Беседа 7. Вся красота жизни складывается из тени и света

– Характеры – ваша излюбленная психологическая тема. Вы считаете, что описание характера, его проявлений: в речи, невербальном общении, в результатах деятельности – главный признак настоящего писателя?

– Безусловно. Именно поэтому я критиковал Шекспира, что не чувствовал в его героях настоящих характеров, а только лишь типы, стороны добра и зла.

– Но вы сами предлагали множество типологий характеров?

– Предлагал. Любил я это дело.

– Что такое «характер»?

– Это особенное свойство человека в большей или меньшей степени любить одно и не любить другое. Под этим словом часто подразумевается особенность свойств каждого отдельного человека, образующаяся вследствие известных условий места и времени. Но это несправедливо. Основное свойство человека более или менее любить одно и не любить другое не происходит от пространственных и временных условий. Напротив, пространственные и временные условия действуют или не действуют на человека только потому, что человек, входя в мир, уже имеет весьма определенное свойство любить одно и не любить другое. Только от этого и происходит то, что люди, рожденные и воспитанные в совершенно одинаковых пространственных и временных условиях, представляют часто самую резкую противоположность своего внутреннего я.

– Как проявляется взаимосвязь между характером и интеллектом человека?

– По-разному. Например, есть люди с мелочными недостатками не настолько умные, чтобы их видеть. Есть такие, которые их видят, но которым недостает силы открыто в них признаться. Есть и такие, которые их видят и признаются в них. Эти люди не отстаивают своих недостатков и подшучивают над ними.

– Различаете ли вы людей по способностям?

– Способностям к какой-то деятельности или способностям к пониманию других людей? Например, есть люди, которые все разумное понимают быстро, всему изящному сочувствуют живо и все хорошее чувствуют, но которые в жизни не умны, не изящны и не добры. Отчего бы это? Или есть две способности: восприимчивости и воспроизведения – им недостает той способности, которую называют гением или талантом. Или, наконец, натуры слишком чистые, которые всегда слабы и апатичны, и потому их способности не развиты.

– А по старшинству?

– Есть два главных рода людей: старшие и младшие. Старшие богато одарены и ржавеют. Их любят, но они вредны – горбоносые. И есть меньшие, трудом выбивающиеся, оттого что чувствуют себя плохими, наш брат, курносые, нас не любят, но мы полезны.

– Есть ли среди ваших героев подобные типажи?

– Есть. Например, батальонный командир Болхов. Это тип бедного русского дворянского сына, выбравшего военную карьеру, как единственно возможную при своем образовании, и ставящего выше всего в мире свое офицерское звание, – тип простодушный и милый, несмотря на смешные неотъемлемые принадлежности: кисет, халат, гитару и щеточку для усов, с которыми мы привыкли воображать его.

– Отличаются ли женские и мужские складыва характера?

– Конечно, причем, мужской склад характера встречается и у женщин, но очень редко, и наоборот. У людей мужского склада характера поступки вытекают из деятельности мысли и определяются ею. А у людей женского склада характера деятельность мысли направлена отчасти на достижение целей, поставленных чувством, отчасти же на оправдание поступков, вызванных чувством.

– Как определяется сила развития характеров?

– Нужно взять умственные силы человека – его числитель, и мнение его о себе – знаменатель. Чем выше дробь, тем сильнее характер.

– Но часто мы видим силу человека, имеющего огромное мнение о себе.

– Это сила физическая, а нравственно он слаб, слабее среднего уровня. Например, такой человек, как революционер Новодворов, несмотря на то, что он умел красноречиво объяснять свои действия очень убедительными доводами, был тщеславен, желал первенствовать перед людьми. Сначала, благодаря своей способности усваивать чужие мысли и точно передавать их, он в период учения, в среде учащихся и учащихся, где эта способность высоко ценится, имел первенство, и он был удовлетворен. Но когда он получил диплом и перестал учиться, и первенство это прекратилось, он вдруг для того, чтобы получить первенство в новой сфере, совершенно переменял свои взгляды и из постепенца-либерала сделался красным, народовольцем. Благодаря отсутствию в его характере свойств нравственных и эстетических, которые вызывают сомнения и колебания, он очень скоро занял в революционном мире удовлетворяющее его самолюбие положение руководителя партии. Однажды избрав направление, он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался. Все ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомненно. И при узости и односторонности его взгляда все действительно было очень просто и ясно, и нужно было только, как он говорил, быть логичным. Самоуверенность его была так велика, что могла только отталкивать от себя людей или подчинять себе. А так как деятельность его происходила среди очень молодых людей, принимавших его безграничную самоуверенность за глубокомыслие и мудрость, то большинство подчинялось ему, и он имел большой успех в революционных кругах. Деятельность его состояла в подготовке к восстанию, в котором он должен был захватить власть и созвать собор. На соборе же должна быть предложена составленная им программа. И он был вполне уверен, что программа эта исчерпывала все вопросы, и нельзя было не исполнить ее.

– Но именно за это его уважали товарищи?

– Товарищи уважали его за его смелость и решительность, но не любили. Он же никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если бы мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним.

– Как он относился к женщинам?

– Хотя он принципиально был за женский вопрос, но в глубине души считал всех женщин глупыми и ничтожными, за исключением тех, в которых часто бывал сентиментально влюблен, и тогда считал их необычайными женщинами, достоинства которых умел заметить только он.

– То есть, он все-таки признавал за женщиной право иметь свое мнение и жить так, как она хочет?

– Вопрос об отношениях полов казался ему, как и все вопросы, очень простым и ясным, то есть вполне разрешенным признанием свободной любви. Что касается собственного мнения, то женщина может его иметь, но мужчине лучше к нему не прислушиваться. Нехлюдова он презирал за то, что он «кривляется» с Масловой. В особенности же он презирал Нехлюдова за то, что тот позволяет себе думать о недостатках существующего устройства и средствах исправления его не только не слово в слово так же, как думал он, Новодворов, но даже как-то по-своему, по-княжески, то есть по-дурацки.

– Существует особая черта, которая в большей мере приписывается человеку, нежели отражает какие-то существенные его качества. Это – аристократизм.

– Слово *аристократы* (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) получило у нас в России, где бы, кажется, его вовсе не должно было быть, большую популярность. Оно проникло во все края и во все слои общества, куда только проникло тщеславие

(а в какие условия времени и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?), – между купцами, чиновниками, писарями, офицерами, – в Саратов, в Мамадыши, в Винницу, везде, где есть люди.

– Каков критерий аристократизма?

– Он у каждого человека свой. Например, для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов *аристократ*, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного. Для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин *аристократ*, потому что он адъютант и на «ты» с другим адъютантом, и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта граф Нордов *аристократ*, и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово *аристократ*. Зачем поручик Зобов так принужденно смеется, хотя ничего нет смешного, проходя мимо своего товарища, который сидит со штаб-офицером? Чтобы доказать своему собеседнику, что он *аристократ* и очень милостив, разговаривая с подпоручиком. Зачем юнкер так размахивает руками и подмигивает, идя за барышней, которую он в первый раз видит, и к которой он ни за что не решится подойти? Чтоб показать всем офицерам, что он все-таки *аристократ*, и ему очень весело. Зачем артиллерийский капитан так грубо обошелся с добродушным ординарцем? Чтобы доказать всем, что он никогда не заискивает и в *аристократах* не нуждается, и так далее, и так далее, и так далее.

– Но ведь это заблуждение! Почему люди так слепы?

– Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века.

– Разве раньше люди были менее тщеславны?

– В нашем веке есть три рода тщеславных людей. Одни принимают тщеславие как факт необходимо существующий, поэтому справедливый, и свободно подчиняются ему. Другие принимают его как несчастное, но непреодолимое условие. Третьи – бессознательно, рабски действуют под его влиянием.

Представитель последнего рода – поручик Козельцев. «У него было одно из тех самолюбий, которое до такой степени слилось с жизнью и которое чаще всего развивается в одних мужских, и особенно военных, кружках, что он не понимал другого выбора, как первенствовать или уничтожаться, и что самолюбие было двигателем даже его внутренних побуждений. Он любил первенствовать над людьми, с которыми себя сравнивал, поэтому не прислушивался даже к уместным советам людей, находящихся по рангу ниже него:

– Как же! Очень буду слушать, что Москва болтает!»⁴

– То есть, аристократизм – это плохо?

– Нет. Есть аристократия не ума, но нравственности. Такие аристократы – те, для которых нравственные требования составляют мотив поступков.

– Вы писали, что в России есть три преобладающих типа солдат, под которые подходят солдаты всех войск. Что это за типы?

– Покорные, начальствующие и отчаянные. Покорные подразделяются на покорных хладнокровных и покорных хлопотливых. Начальствующие подразделяются на начальствующих суровых и начальствующих политичных. Отчаянные подразделяются на отчаянных забавников и отчаянных развратных.

– Какой тип вам нравился более всего?

⁴ Во многих армейских полках того времени офицеры полупрезрительно, полуласкательно называли солдата «Москва» или «присяга».

– Это тип более всего милый, симпатичный и большей частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле божьей, – тип *покорного вообще*.

– Чем отличаются от него другие покорные?

– Отличительная черта покорного хладнокровного есть ничем не сокрушимое спокойствие и презрение ко всем превратностям судьбы, могущим постигнуть его. Отличительная черта покорного пьющего есть тихая поэтическая склонность и чувствительность. Отличительная черта хлопотливого – ограниченность умственных способностей, соединенная с бесцельным трудолюбием и усердием.

– Вы писали также об угнетенном типе солдата. Чем он отличается от покорного?

– *Угнетенные* – люди, сроднившиеся с мыслью, что они рождены для страдания, что одно качество, возможное и полезное для них, есть терпение, что в общественном быту нет существа ниже и несчастнее его. Угнетенный солдат морщится и ожидает удара, когда при нем кто-нибудь поднимает руку. Он боится каждого своего слова и поступка. Каждый солдат, годом старше его, имеет право истязать его. Угнетенный солдат убежден, что дурно то, что знают другие, хорошо же то, что можно сделать скрытно и безнаказанно.

– Где встречается начальствующий тип?

– Преимущественно в высшей солдатской сфере: ефрейторов, унтер-офицеров, фельдфебелей и так далее. Начальствующий суровый есть тип весьма благородный, энергичный, не исключаяющий высоких поэтических порывов. Начальствующий политичный обычно красноречив, грамотен, ходит в розовой рубашке, не ест из общего котла, считает себя несравненно выше простого солдата и редко сам бывает столь хорошим солдатом, как начальствующие первого разряда.

– Среди солдат встречается и угнетающий тип.

– *Угнетающие солдаты* – люди, перенесшие испытания и не упавшие, но ожесточившиеся духом. Их чувство справедливости – заставлять страдать каждого столько же, сколько они страдали. Угнетающий солдат сжился с мыслью, что он солдат, и даже гордится этим званием. Он старается и надеется улучшить свое положение – угнетением и кражей. Он открыто презирает угнетенного солдата и решается высказывать иногда чувство ненависти и ропот начальнику. В нем есть чувство сознания своего достоинства, но нет чувства чести. Он не убьет в сражении своего начальника, но осрамит его. Он не украдет тулупа у товарища, но украдет порцию водки. Он так же, как угнетенный, невежествен, но твердо убежден в своих понятиях. Его оскорбит не телесное наказание, а оскорбит сравнение с простым солдатом.

– Что является отличительной чертой отчаянных солдат?

– Отличительными чертами отчаянных забавников является непоколебимая веселость, огромные способности ко всему, богатство натуры и удаль. Для отчаянного развратного характерны неверие и какое-то удалство в пороке. Они убеждены несчастьем, что для них нет ничего незаконного, и ничего не может быть худшего. О будущей жизни они не могут думать, потому что не думают. Для отчаянного солдата нет ничего невозможного, ничего святого: он украдет у товарища, ограбит церковь, убежит с поля, перебежит к врагу, убьет начальника и никогда не раскается. Угнетенный страдает, терпит и ждет конца. Угнетающий улучшает свой быт в солдатской сфере, в которой он освоился. Отчаянный презирает все и наслаждается.

– Какие типы офицеров встречаются в русской армии?

– Офицеры, за малым исключением, или *наемники*, служащие из одних денег, средств к существованию, без всякого чувства патриотизма и мысли о долге – поляки, иностранцы и многие русские; или *грабители*, служащие с одной целью украсть у правительства состояние и выйти в отставку; или *безнравственные невежды*, служащие потому, что надобно что-нибудь делать, мундир носить хорошо, а больше по направлению образования они ни на что не чувствуют себя способными. Генералы же бывают терпеливые и счастливые.

Применительно к военным Толстой определяет такую черту их характера, которая является определяющей — храбрость:

« — Что, он храбрый был? — спросил я его.

— А Бог его знает: все, бывало, впереди ездит; где перестрелка, там и он.

— Так, стало быть, храбрый, — сказал я.

— Нет, это не значит храбрый, что суется туда, где его не спрашивают....

— Что же вы называете храбрым?

— Храбрый? Храбрый? — повторил капитан с видом человека, которому в первый раз представляется подобный вопрос. — Храбрый тот, который ведет себя как следует, — сказал он, подумав немного».

— У вас есть классификация осужденных людей?

— Состав арестантов, так называемых преступников, разделяется на пять разрядов людей. Первый разряд — люди совершенно невинные, жертвы судебных ошибок, как мнимый поджигатель Меньшов, как Маслова и другие. Людей этого разряда не очень много, около семи процентов, но положение этих людей вызывает особенный интерес.

— Второй разряд — немного виноватые?

— Второй разряд составляли люди, осужденные за поступки, совершенные в исключительных обстоятельствах, как озлобление, ревность, опьянение и тому подобное; такие поступки, которые почти наверное совершили бы в таких же условиях все те, которые судили и наказывали их. Этот разряд составлял едва ли не более половины всех преступников.

— То есть, их поступки были продиктованы обстоятельствами, а не умыслом?

— Не только обстоятельствами, но уж точно не умыслом. Третий разряд составляли люди, наказанные за то, что они совершали с умыслом, но, по их понятиям, самые обыкновенные и даже хорошие поступки. Однако по понятиям чуждых им людей, писавших законы, такие поступки считались преступлениями. К этому разряду принадлежали люди, тайно торгующие вином, перевозящие контрабанду, рвущие траву, собирающие дрова в больших владельческих и казенных лесах. К этим же людям принадлежали воруящие горцы и еще неверующие люди, обворовывающие церкви.

— К какому разряду относились так называемые «политические»?

— К четвертому. Этот разряд составляли люди, потому только зачисленные в преступники, что они стояли нравственно выше среднего уровня общества. Таковы были сектанты, таковы были поляки, черкесы, бунтовавшие за свою независимость, таковы были и политические преступники — социалисты и стачечники, осужденные за сопротивление властям. Процент таких людей, самых лучших людей общества, был очень большой.

— Пятый разряд...

— ... составляли люди, перед которыми общество было гораздо больше виновато, чем они перед обществом. Это были люди заброшенные, одуренные постоянным угнетением и соблазнами, которых условия жизни как будто систематически доводили до необходимости того поступка, который называется преступлением. К таким людям принадлежало много воров и убийц. К этим развращенным людям можно причислить и тех развращенных, испорченных людей, которых новая школа называет преступным типом, и существование которых в обществе признается главным доказательством необходимости уголовного закона и наказания. Эти так называемые испорченные, преступные, ненормальные типы были не что иное, как такие же люди, как и те, перед которыми общество виновато более чем они перед обществом. Но общество виновато не непосредственно перед ними самими теперь, а в прежнее время, перед их родителями и предками.

– Общество отвергает тех, кто нарушает его правила. Но есть особая категория людей, для которых важен свой, групповой кодекс чести. Это – масоны.

– Масоны тоже бывают разные, но это уже не моя классификация, а положение в братстве. Здесь четыре разряда. К первому причисляются братья, не принимающие деятельного участия ни в делах лож, ни в делах человеческих. Они заняты исключительно таинствами науки ордена, вопросами о тройственном наименовании Бога, или о трех началах вещей – сере, меркурии и соли, или о значении квадрата и всех фигур храма Соломонова. Ко второму разряду причисляются братья колеблющиеся, не нашедшие еще в масонстве прямого и понятного пути, но надеющиеся найти его. К третьему разряду причисляются братья (их самое большое число), не видящие в масонстве ничего, кроме внешней формы и обрядности, и дорожащие строим исполнением этой внешней формы, не заботясь о ее содержании и значении. К четвертому разряду причисляется тоже большое количество братьев. Это люди, ни во что не верующие, ничего не жалеющие, и поступавшие в масонство только для сближения с молодыми, богатыми и сильными по связям и знатности братьями, которых весьма много в ложе.

– Мне нравится ваша классификация уверенных людей.

– Разумеется, она приблизительная. Немец бывает безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенным на основании отвлеченной идеи – науки, то есть мнимого знания совершенной истины. Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства, и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин, несомненно, хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя, и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина.

– Не жалуете вы немцев...

– Не в этом дело. Они – другие. Долго я пытался достигнуть аккуратности немецкой, но потом махнул рукой. Да, у меня пропадали, пачкались и мялись вещи больше, чем у прусского генерала, который два дня, не переставая, укладывал багаж. Зато уж и никто, как русский, не мог так равнодушно обойтись без пропавшей вещи и носить испачканное или измятое платье. Это русская практичность в своем роде.

– Ваши герои имели прозвища, относящие их к определенным типам людей.

– Ротный командир Болхов был один из офицеров, называемых в полку *бонжурами*. Он имел состояние, служил прежде в гвардии и говорил по-французски. Но, несмотря на это, товарищи любили его. Он был довольно умен и имел достаточно такта, чтобы носить петербургский сюртук, есть хороший обед и говорить по-французски, не слишком оскорбляя общество офицеров.

– Вы описывали тип человека, облеченного властью, и этой же властью ограниченного в своих мыслях и поступках. Такой тип наиболее явно проявился в Наполеоне?

– Гения и каких-нибудь особенных качеств хорошему полководцу не нужно. Напротив, ему нужно отсутствие самых лучших высших, человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения. Он должен быть ограничен, твердо уверен в том, что то, что он делает, очень важно (иначе у него не будет терпения), и тогда только он будет храбрый полководец. Избави Бог, коли он человек, полюбит кого-нибудь, пожалеет, подумает о том, что справедливо и что нет.

– Но есть и противоположный вариант.

– И не один. Например, Лаврушка был один из тех грубых, наглых лакеев, выдававших всякие виды, которые считают долгом все делать с подлостью и хитростью. Они готовы сослу-

жить всякую службу своему барину и хитро угадывают барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность.

– Считают, что вы никогда не конструировали характеры людей умозрительно, не сочиняли их по заранее придуманным планам и ниоткуда не заимствовали их в готовом виде.

– Я старался сделать характеры типичными и уникальными одновременно. У многих моих приятелей литераторов, старых холостяков, есть общая грустная черта: встречаясь с человеком, они считают необходимым вперед определить себе его характер и потом это мнение берегут как красивое произведение ума. С таким искусственным мелким знанием нельзя любить и поэтому знать человека.

– Но вполне можно с ним общаться, зная его типологические качества.

– Одно из самых обычных и распространенных суеверий то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и так далее. Люди не бывают такими. Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен, и наоборот. Но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он добрый или умный, а про другого, что он злой или глупый. А мы всегда делим людей. И это неверно. Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою. У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки.

– Вы говорили о структуре характера, его истоках и отдельных чертах, проявившихся и замаскированных. Замаскированные черты найти нелегко, потому что они скрыты даже от их обладателя. Но зато всегда обнаруживается их противоположность. Это дало вам возможность говорить о пределах черт характера. Вы как будто за веревочку тянули эту черту, полюбожившуюся вам, и вытягивали ее противоположность, либо обнажали предел, далее которого эта черта не распространялась.

– Иногда одна черта настолько долго или интенсивно эксплуатируется, что наступает ее утомление, тогда на смену ей приходят другие, зачастую если не противоположного свойства, то весьма отдаленного. Например, Николеньку Иртеньева, только что потерявшего мать, поразила переход от трогательного чувства, с которым его няня Наталья Савишна с ним говорила, к ворчливости и мелочным расчетам. Рассуждая об этом впоследствии, он понял, что, несмотря на то, что у нее делалось в душе, у нее доставало присутствия духа, чтобы заниматься своим делом, а сила привычки тянула ее к обыкновенным занятиям. Горе так сильно действовало на нее, что она не находила нужным скрывать, что может заниматься посторонними предметами. Она даже и не поняла бы, как может прийти такая мысль.

– Сочетание с виду противоположных черт характера дает проекцию в какую-то третью черту?

– Да. Например, отсутствие агрессии у одного из героев «Севастополя в мае» – Михайлова – выражается, с одной стороны, в том, что он был прекрасный человек и герой в полном смысле этого слова, который выполняет свой долг перед Отечеством. С другой стороны, он был плохим командиром, не требовавшим от вверенных ему солдат выполнения этого долга. Он жалел солдат, а потери были неизбежными. Как командир, он должен был только определять степень их необходимости и вероятность их снижения в силу личностных характеристик солдат. В мирное время Михайлов не производил впечатления героя, робел и конфузился, становился совсем незаметным и тихим.

– А каковы признаки слабого характера?

– Его основные свойства нежестко связаны друг с другом, в связи с чем создается благоприятная возможность для проявления одной черты. Это противоречит цельности характера,

но возникает, когда какая-либо черта на время приобретает независимость и подчиняет себе всю деятельность человека в отдельный момент. Например, Пьер Безухов вспомнил, что у Анатоля Курагина вечером должно было собраться обычное игорное общество, после которого обыкновенно шла попойка, кончавшаяся одним из любимых увеселений Пьера. «Хорошо бы было поехать к Курагину», – подумал он. Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина. Но тут же, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось еще раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решил ехать.

– Почему он так быстро поменял свое мнение?

– Придумал себе оправдание. Ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще прежде, чем князю Андрею, он дал слово князю Анатолю быть у него. Наконец, он подумал, что все эти честные слова – такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно если сообразить, что, может быть, завтра же или он умрет, или случится с ним что-нибудь необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного. Такого рода рассуждения, уничтожая все его решения и предположения, часто приходили Пьеру. Он поехал к Курагину.

– Оказывает характер влияние на жизнь человека?

– Да, иногда – напрямую. Например, о раненном в Аустерлицком сражении князе Андрее доктор Наполеона Ларрей сказал, что этот субъект нервный и желчный, – он не выздоровеет.

– Цельный характер помогает жить?

– Не всегда. Это достоинство и недостаток одновременно. Если ты сам цельный характер, то хочешь, чтобы вся жизнь слагалась из цельных явлений, а этого не бывает. Например, человек презирует общественную служебную деятельность, потому что ему хочется, чтобы дело постоянно соответствовало цели, а этого не бывает. Хочется, чтобы деятельность всегда имела цель, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно. А этого тоже не бывает. Все разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни складывается из тени и света.

– Ваши герои имеют разные способности, которые неодинаково развиты, прежде всего, это касается способности к развитию. О каком человеке мы можем сказать, что он талантлив?

– Талант – это дар, который состоит в способности усиленного, напряженного внимания, направляемого на тот или иной предмет, увидеть нечто новое, такое, чего не видят другие.

– Как развить талант?

– С ним нужно родиться. Это природный дар, получаемый человеком от рождения. Талант откроет, обнажит предмет и заставит полюбить его, если он достоин любви, и возненавидеть его, если он достоин ненависти. Но носитель или обладатель таланта не может должным образом распорядиться им, если не овладеет высшим мирозерцанием своего времени.

– Что такое «хороший человек»?

– Как бы вам объяснить... Люди живут своими мыслями, чужими мыслями, своими чувствами, чужими чувствами (то есть способностью понимать чужие чувства и руководствоваться ими). Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, а самый худший сорт человека – который живет чужими мыслями и своими чувствами. Из различных сочетаний этих четырех основ, мотивов деятельности формируется все различие людей. Есть люди, не имеющие почти никаких, ни своих, ни чужих мыслей, ни своих чувств и живущие только чужими чувствами: это самоотверженные дурачки и святые. Есть люди, живущие только своими чувствами, – это звери. Есть люди, живущие только своими мыслями, – это мудрецы, пророки; есть – живущие только чужими мыслями, – это ученые глупцы. Из различных перестановок по силе этих свойств – вся сложная музыка характеров.

Беседа 8. Навсегда ничего не бывает

– Задумался хорошо, свежо, о том, что такое время. И всем существом почувствовал его реальность, или, по крайней мере, реальность того, на чем оно основано.

– На чем?

– На движении жизни, на процессе расширения пределов, которое, не переставая, происходит в человеке. Пускай само время – категория мышления, но без движения жизни его бы не было.

– Что такое время как категория мышления?

– Время есть отношение движения своей жизни к движению жизни других существ. Не оттого ли оно идет медленно в начале жизни и быстро в конце, что расширение пределов совершается все с увеличивающейся и увеличивающейся быстротой?

– Как, в таком случае, измерить время?

– Мера скорости – в сознании расширения. В детстве я подвинулся на вершок, в то время как солнце обойдет свой годовой круг, а в старости я за это время подвинулся на два вершка. Мера во мне. Быстрота расширения подобна падению – обратно пропорциональна квадрату расширений от смерти.

– Говорят, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее.

– Какая грубая и вредная ошибка! Есть два вида времени: прошедшее и будущее; настоящее же вне времени. И жизнь истинная, свободная вне времени, то есть, в настоящем.

– Но рассуждают же люди о том, что в их время было «все не так»?

– Так любят говорить ограниченные люди, полагающие, что они нашли и оценили особенности нашего времени, и что свойства людей изменяются со временем.

– А разве не так? Ведь есть же конфликт поколений, о котором Тургенев писал?

– Чтобы говорить о конфликте поколений, нужно сравнивать свой образ жизни и образ жизни своих родителей. Впрочем, некоторые люди как будто сами себя обманывают, стараясь о своем образе жизни говорить в прошедшем или в будущем, но не в настоящем.

– Что такое «настоящее»? Вы ведь говорили, что его не существует?

– Мгновение жизни. Жизнь есть тот день и час, который мы живем. Волнение губит этот час, и мы делаем невозвратимую величайшую потерю.

– А как же тогда оценить прогресс?

– Отрицательно. В период кризиса у меня произошло осознание, что человечество ступило на губительный путь. Я, как мог, старался удержать, убедить людей не ориентироваться только на технический прогресс, обратиться к душе. Но, к сожалению, человека, который призывает людей ориентироваться на внутренние достижения, а не на внешнее благо, объявляют врагом прогресса и душевнобольным. Я говорил, что во все времена под именем науки и искусства предлагалось людям много вредного и плохого, и в наше время предстоит та же опасность.

Дело это нешуточное, отравы духовная во много раз опаснее отравы телесной. Поэтому надо с величайшим вниманием исследовать те духовные продукты, которые предлагаются нам в виде пищи, и старательно откидывать все поддельное и вредное. Когда я стал говорить это, никто, никто, ни один человек, ни в одной статье или книге не возразил мне на эти доводы, а изо всех лавок закричали: «Он безумец! Он хочет уничтожить науку и искусство, то, чем мы живем. Бойтесь его и не слушайте!»

– То есть, нужно думать о вечном? О том, что было, есть и будет?

– Навсегда ничего не бывает.

– А как же заботиться о душе, если не думать о будущем?

– Это нужно делать сейчас, сию минуту. Мы всегда подгоняем время. Это значит, что время есть форма нашего восприятия, и мы освободимся от этой стесняющей нас формы.

– Значит, время субъективно?

– В нашем представлении – да. Мы ценим время только тогда, когда его мало осталось.

И, главное, рассчитываем на него тем больше, чем меньше его впереди.

– А пространство? Оно тоже субъективно?

– Чем больше живешь, тем становится короче и время, и пространство. Что время короче, это все знают, но что пространство меньше, это я теперь только понял. Оно кажется все меньше и меньше, и на свете становится тесно.

– Как протекает время в процессе сна?

– Сон есть такое положение человека, в котором он совершенно теряет сознание. Но так как засыпает человек постепенно, то теряет он сознание тоже постепенно. Сознание есть то, что называется душой. Но душой называют что-то единое, между тем как сознаний столько же, сколько отдельных частей, из которых складывается человек. Мне кажется, что этих частей три: 1) ум, 2) чувство, 3) тело. Ум есть высшее, и это сознание есть принадлежность только людей развитых, животные и животноподобные люди не имеют его; оно первое засыпает. Сознание чувства, принадлежность тоже одних людей, засыпает после. Сознание тела засыпает последнее и редко совершенно. У животных этой постепенности нет. Ее также нет и у людей, когда они теряют сознание, после сильных впечатлений или пьяные.

– Нам кажется, что во сне мы проживаем события, которые могли бы тянуться очень долго, если бы они происходили наяву.

– Воспоминание о времени, которое мы проводим во сне, не происходит из того же источника, из которого происходят воспоминания о действительности жизни. Они появляются не из памяти, как способности воспроизводить наши впечатления, а из способности группировать впечатления. В минуту пробуждения мы все те впечатления, которые имели во время засыпания и во время сна (почти никогда человек не спит совершенно), приводим к единству под влиянием того впечатления, которое содействовало пробуждению. Пробуждение, в свою очередь, происходит так же, как и засыпание: постепенно, начиная с низшей способности до высшей. Но эта операция происходит так быстро, что осознать ее слишком трудно, и, привыкши к последовательности и к форме времени, в которой проявляется жизнь, мы принимаем эту совокупность впечатлений за воспоминание проведенного времени во сне.

– Нам часто не хватает времени, чтобы успеть сделать все запланированные дела.

– В сутках двадцать четыре часа; спим мы восемь часов, остается шестнадцать. Если какой-нибудь умственной деятельности человек посвятит пять часов каждый день, то он сделает страшно много. Куда же деваются остальные одиннадцать часов?

– Это в том случае, если человек не ходит на работу. Да плюс еще пробки...

– Какие пробки?

– На дорогах, когда на улицах собирается много машин. Но представим, что мы не ходим на работу. Как в таком случае, с вашей точки зрения, лучше всего распределять свое время в течение дня?

– День всякого человека самой пищей разделяется на 4 части, или 4 упряжки, как называют это мужики: 1) до завтрака, 2) от завтрака до обеда, 3) от обеда до полдника и 4) от полдника до вечера. Деятельность человека, в которой он, по самому существу своему, чувствует потребность, тоже разделяется на четыре рода: 1) деятельность мускульной силы, работа рук, ног, плеч и спины – тяжелый труд, от которого вспотеть; 2) деятельность пальцев и кисти рук, деятельность ловкости, мастерства; 3) деятельность ума и воображения; 4) деятельность общения с другими людьми.

– То есть, блага, которыми пользуется человек, также разделяются на 4 рода?

– Всякий человек пользуется, во-первых, произведениями тяжелого труда: хлебом, скотиной, постройками, колодцами, прудами и тому подобным; во-вторых, деятельностью ремесленного труда: одеждой, сапогами, утварью и тому подобным; в-третьих, производи-

ями умственной деятельности наук, искусства; в-четвертых, установленным общением между людьми. Лучше всего было бы чередовать занятия дня так, чтобы упражнять все четыре способности человека и самому производить все те четыре рода блага, которыми пользуются люди, так чтобы одна часть дня – первая упряжка – была посвящена тяжелому труду, другая – умственному, третья – ремесленному и четвертая – общению с людьми.

– Но ведь не все люди занимаются теми видами труда, о которых вы говорите?

– А если бы они занимались, то уничтожилось бы ложное разделение труда, которое существует в нашем обществе, и установилось справедливое разделение труда, которое не нарушает счастья человека.

– Для того чтобы производить продукцию высокого качества, необходимо овладеть профессией, стать специалистом.

– Да, разделение труда выгоднее. Если дело в том, чтобы наделать как можно больше ситцев и булавок, то это так. Но дело ведь в людях, во благе их. А благо людей в жизни. А жизнь в работе.

– Как же правильно работать, чтобы это было благом для человека?

– Жить до вечера и до века. Жить так, как будто доживаешь последний час и можешь успеть сделать только самое важное. И вместе с тем так, как будто то дело, которое ты делаешь, ты будешь продолжать делать бесконечно.

– Это добавит стресса в работу.

– Не надо думать о работе, и назад не надо оглядываться, и вперед не глядеть, много ли сделали и много ли осталось. Только работать. Все вóвремя поспеет.

– В жизни человека вы описывали такое явление, как инерционность процессов. Любое воздействие на человека, как я поняла, имеет скрытый период, в течение которого проходит внутренняя переориентация.

– Инерция – психологический закон. Всякое нововведение больно. Есть два закона: инерции и движения. Сумасшествие, то есть ненормальность, есть одно из двух, а равнодействующая из двух – его нормальность.

– Что же является катализатором психологических изменений: внешние воздействия, которые усиливают то или иное психическое состояние человека, или в принципе любое явление, имеющее или имевшее отношение к данному человеку?

– Внешнее в сочетании с внутренним. Однако некоторые явления я бы выделил особо. К ним относятся произведения искусства (прежде всего музыка, живопись и литература) и воздействие других людей.

– Как искусство влияет на человека?

– Искусство – это могучая, но и опасная сила, которая обладает такими свойствами, которых нет ни у одного из других видов духовной деятельности людей. Искусство, в противоположность слову, которое можно не слушать, опасно тем, что оно заражает людей против их воли.

– Но люди искусства служат человечеству, без искусства не было бы цивилизации!

– Нет большего подспорья для эгоистической спокойной жизни, как занятие искусством для искусства. Деспот, злодей непременно должен любить искусство.

– Нельзя отрицать искусство!

– Я и не отрицаю. Хотя некоторые учителя человечества часто отрицали всякое искусство. Так поступали Платон, первые христиане, «строгие» магометане, буддисты. Люди, отрицавшие искусство, поступали неправильно, ибо отрицали то, чего нельзя отрицать, – одно из необходимых средств общения, без которого не могло бы жить человечество. Но они поступали менее опрометчиво, нежели люди современной Европы, допускающие «всякое искусство».

– При каких условиях искусство становится заразительным?

– Искусство становится более или менее заразительно вследствие трех условий: 1) вследствие большей или меньшей особенности того чувства, которое передается; 2) вследствие большей или меньшей ясности передачи этого чувства и 3) вследствие искренности художника, то есть большей или меньшей силы, с которой художник сам испытывает чувство, которое передает.

– Как усилить воздействие искусства на людей?

– Чем особеннее передаваемое чувство, тем оно сильнее действует на воспринимающего. Воспринимающий испытывает тем большее наслаждение, чем особеннее то состояние души, в которое он переносится, и потому тем охотнее и сильнее сливается с ним.

– Зачем нужно воздействовать искусством на людей?

– Искусство, вместе с речью, есть одно из орудий общения, а потому и прогресса, то есть движения вперед человечества к совершенству. Речь делает возможным для людей последующих поколений знать все то, что узнавали опытом и размышлением предшествующие поколения и лучшие передовые люди современности. Искусство делает возможным для людей последних живущих поколений испытывать все те чувства, которые до них испытывали люди, и в настоящее время испытывают лучшие передовые люди.

– Какие чувства соединяют людей в искусстве?

– Христианское искусство, то есть искусство нашего времени, всемирно, и потому должно соединять всех людей. Соединяют же всех людей только два рода чувств: чувства, вытекающие из сознания сыновности Богу и братства людей, и чувства самые простые – житейские, но такие, которые доступны всем без исключения людям, как чувства веселья, умиления, бодрости, спокойствия и тому подобные. Только эти два рода чувств составляют предмет хорошего по содержанию искусства нашего времени.

– Но эти чувства – разные!

– Зато действие, производимое этими двумя кажушимися столь различными между собою родами искусства, – одно и то же. Чувства, вытекающие из сознания сыновности Богу и братства людей, как чувства твердости в истине, преданности воле Бога, самоотвержения, уважения к человеку и любви к нему, вытекающие из христианского религиозного сознания, и чувства самые простые – умиление или веселое настроение от песни, или от забавной и понятной всем людям шутки, или трогательного рассказа, или рисунка, или куколки – производят одно и то же действие – любовное единение людей.

– Как это происходит?

– Бывает, что люди, находясь вместе, если не враждебны, то чужды друг другу по своим настроениям и чувствам. И вдруг или рассказ, или представление, или картина, даже здание, а чаще всего музыка, как электрической искрой, соединяет всех этих людей. И все эти люди, вместо прежней разрозненности, часто даже враждебности, чувствуют единение и любовь друг к другу. Всякий радуется тому, что другой испытывает то же, что и он, радуется тому общению, которое установилось не только между ним и всеми присутствующими, но и между всеми теперь живущими людьми, которые получают то же впечатление. Мало того, чувствуется таинственная радость загробного общения со всеми людьми прошедшего, которые испытывали то же чувство, и людьми будущего, которые испытают его. Вот это-то действие производит одинаково как то искусство, которое передает чувства любви к Богу и ближнему, так и житейское искусство, передающее самые простые, общие всем людям, чувства.

– Какую роль призвано играть искусство в развитии человечества?

– Искусство должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные теперь только лучшим людям общества, стали привычными для всех людей.

– Что такое музыка как искусство?

– Музыка есть стенография чувств. Описать музыку нельзя, можно лишь описать, как она подействовала на человека. Когда мы говорим, мы возвышением, понижением, силой,

быстротой или медленной последовательностью звуков выражаем те чувства, которыми сопровождаем то, что говорим: выражаемые словами мысли, образы, рассказываемые события. Музыка же передает одно: сочетание и последовательность этих чувств без мыслей, образов и событий. Я это испытывал, слушая музыку.

С. А. Толстая писала: «Твое умиление за музыкой, впечатление природы, желание писать — все это ты самый, настоящий, тот самый, которого ты хочешь убить».

– Куда можно перейти от музыки?

– Нёкуда. Вот что я чувствовал, когда шел, глядя только себе под ноги, по набережной к Швейцергофу. Вдруг меня поразили звуки странной, но чрезвычайно приятной и милой музыки. Эти звуки мгновенно живительно подействовали на меня. Как будто яркий, веселый свет проник в мою душу. Мне встало хорошо, весело. Заснувшее внимание мое снова устремилось на все окружающие предметы. И красота ночи и озера, к которым я прежде был равнодушен, вдруг, как новость, отрадно поразили меня. Все спутанные, невольные впечатления жизни вдруг получили для меня значение и прелесть. В душе моей как будто распустился свежий благоухающий цветок. Вместо усталости, рассеянья, равнодушия ко всему на свете, которые я испытывал за минуту перед этим, я вдруг почувствовал потребность любви, полноту надежды и беспричинную радость жизни.

– Как дети понимают музыку?

– Они ее чувствуют.

Николенька Иртеньев делился впечатлениями: «Матап играла второй концерт Фильда — своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспоминал что-то грустное, тяжелое и мрачное. Матап часто играла эти две пьесы: поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминания; но воспоминания чего? Казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было».

А. Б. Гольденвейзер вспоминает: «Интересно отношение Льва Николаевича к Бетховену. Когда Лев Николаевич о нем говорил или писал, он сердился на него, осуждал его творческие пути и считал его началом и причиной упадка в музыкальном искусстве. Он сказал как-то: „Музыкальный разврат начался с Девятой симфонии“. Между тем, когда он слушал музыку Бетховена, она почти всегда его восхищала, захватывала. Он неоднократно после исполнения какой-нибудь из сонат Бетховена говорил мне: „Вы меня нынче примирили с Бетховеном“. Но проходило время, снова речь заходила о Бетховене, и Лев Николаевич опять возвращался к своей обычной точке зрения».

– Почему музыка может действовать так разрушительно?

– Она, музыка, сразу, непосредственно переносит человека в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Слушатель сливается с композитором душой и вместе с ним переносится из одного состояния в другое, но зачем он это делает, не знает. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, – Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии. Это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для слушателя же – никакого. И потому музыка, например, Бетховена, только раздражает, не до конца сознается, не доходит полностью до сознания человека. Вот если марш воинственный сыграют, солдаты пройдут под марш, и музыка дойдет. Сыграли плясовую, люди проплясали, музыка дошла. Ну, пропели мессу, человек причастился, тоже

музыка дошла. А раздражение, и что надо делать в этом раздражении, – нет. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует.

– Иногда даже приводит к преступлениям?

– Иногда – да. Например, Василий Позднышев именно музыку винил в смерти жены. Жена и ее любовник играли Крейцерову сонату Бетховена. «Знаете ли вы первое *престо*? – рассказывал он попутчику. – Знаете?! Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом, – вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение. Мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу. Я объясняю это тем, что музыка действует, как зевота, как смех: мне спать не хочется, но я зеваю, глядя на зевающего, смеяться не о чем, но я смеюсь, слыша смеющегося».

Сергей Рахманинов в разговоре с Иваном Бунинным вспоминал: «Это неприятное воспоминание... Было это в 1900 году. Толстому сказали, что вот, мол, есть такой молодой человек, бросил работать, три года пьет, отчаялся в себе, а талантлив, надо поддержать...

– Играл я Бетховена. Есть такая вещица с лейтмотивом, в котором звучит грусть молодых влюбленных, вынужденных расстаться. Кончил. Все вокруг в восторге, но хлопать боятся, смотрят — как Толстой? А он сидит в сторонке, руки сложил сурово и молчит. И все притихли, видят — ему не нравится... Ну, понятно, я от него бегать стал. Но к концу вечера вижу: старик прямо на меня идет. «Вы, — говорит, — простите, что я вам должен сказать: нехорошо то, что вы играли». Я ему: «Да ведь это не мое, а Бетховен». А он: «Ну и что же, что Бетховен? Все равно нехорошо. Вы на меня не обиделись?» Тут я ему ответил дерзостью: «Как же я могу обижаться, если Бетховен может оказаться плохим?»

Ну и сбежал. Меня туда потом приглашали, и Софья Андреевна потом звала, а я не пошел. До тех пор мечтал о Толстом, как о счастье, а тут все как рукой сняло!

И не тем он меня поразил, что Бетховен ему не понравился, или что я играл плохо, а тем, что он, такой, как он был, мог обойтись с молодым, начинающим, впадшим в отчаяние, так жестоко! И не пошел...

Теперь бы побежал к нему, да некуда...»

– То есть музыка переносит человека в нереальный мир?

– Из состояния скуки, шумного рассеяния и душевного сна, в котором находятся люди, они могут быть вдруг незаметно перенесены музыкой в совершенно другой, забытый ими мир. В душе их может возникнуть чувство то тихого созерцания прошедшего, то страстного воспоминания чего-то счастливого, то безграничной потребности власти и блеска, то чувств покорности, неудовлетворенной любви и грусти.

– И в этом нереальном мире музыка соединяет людей?

– Часто такая музыка исключительная и соединяет не всех людей, а только некоторых, выделяя их от других людей.

– Это плохо?

– Смотря какая музыка. Иногда она – страшное средство в руках кого попало. Например, взять хоть бы Крейцерову сонату, первое *престо*. Разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам это *престо*? Сыграть и потом похлопать, а потом есть мороженое, и говорить о последней сплетне. Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных

обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроила музыка. А то несоответственное ни месту, ни времени вызывание энергии, чувства, ничем не проявляющегося, не может не действовать губительно.

– Каково должно быть содержание искусства будущего?

– Содержанием искусства будут только чувства, влекущие людей к единению или в настоящем соединяющие их. Форма же искусства будет такая, которая была бы доступна всем людям.

Беседа 9. Всомогущество есть бессознательность

– Личность ярче всего проявляется в кризисные моменты, но в каждый такой момент она поворачивается то негативными, то позитивными своими сторонами. От чего зависит этот поворот?

– На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя. Но искра эта устает гореть ярко, – придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела.

– То есть, если нам кажется, что человек не способен на неожиданный поступок, значит, пламя от искры еще не разгорелось? Как понять, что пламя вспыхнуло?

– Случалось ли вам в известную пору жизни вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется? Как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Это и есть моральная перемена.

– Такое изменение называют состоянием интенсивного осознания. Оно характеризуется обновленным, отчетливым видением существа проблемы, воспринимаемой как бы с самого начала, заново.

– Скорее, быстрой сменой необыкновенно ясных мыслей. Например, мечты с необыкновенной ясностью и быстротой проносятся перед человеком.

– Как происходит освобождение из плена установок прошлого?

– В ситуации, когда человек находится перед чем-то неизведанным, например, смертью. Если в это время он видит перед собой какой-то объект, то может связать этот объект и ожидание события. Вспомним, когда князь Андрей лежит на поле Аустерлица, он видит над собой высокое, неизмеримо высокое, с тихо ползущими по нему облаками, бесконечное небо. Еще недавно он видел его совсем другим. Оно было тихим, спокойным и торжественным, совсем не таким, когда он бежал, не таким, когда все бежали, кричали и дрались. И совсем не таким, когда француз и артиллерист с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник.

Он думал: «...совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видел прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его, наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!»

– Что открылось князю Андрею через образ неба?

– Страдание как истина движения жизни.

Ему пришло озарение. «Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидал нынче? — было первою его мыслью. — И страдания этого я не знал также, — подумал он. — Да, я ничего, ничего не знал до сих пор».

– Небо, как и космос в целом – вечны. Люди не задумываются об этом в повседневной жизни. Но когда верующий человек подходит к черте, за которой – вечность, он может понять небо как символ.

– Нечто подобное испытал и Пьер Безухов, который увидел комету?

– Не совсем так. Князь Андрей эмоционально погрузился в восприятие неба, а Пьер вступил в мысленный диалог с кометой, когда, при въезде на Арбатскую площадь, огромное пространство звездного темного неба открывалось его глазам. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная во всех сторон звездами, но отлича-

ясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812 года. Та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере эта светлая звезда с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая как будто с невыразимой быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, вцепилась тут в одно избранное ею место на черном небе и остановилась, энергично подняв кверху хвост, светясь и играя своим белым светом между бесчисленными другими мерцающими звездами. Пьеру казалось, что комета вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе.

– Как ощущается состояние интенсивного осознания?

– Я назвал бы это раздраженным состоянием души, когда человек чувствует, что совершается в один миг вся его жизнь, и когда обдумает человек в одну секунду больше, чем другой раз годами.

– Оно всегда приходит после эмоционального потрясения или иногда предшествует ему?

– Иногда предшествует. Например, князь Андрей знал, что будущее сражение должно быть самым страшным из всех тех, в которых он участвовал. Возможность смерти в первый раз в его жизни, без всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему. И с высоты этого представления все, что прежде мучило и занимало его, вдруг осветилось холодным белым светом, без теней, без перспективы, без различия очертаний.

– В состоянии интенсивного осознания изменяются ценностные приоритеты?

– Конечно. После Аустерлицкого сражения Наполеон объезжал поле битвы и, видя Болконского, лежащего со знаменем в руках, сказал: «*Voilà une belle mort*»⁵. Князь Андрей понял, что это было сказано о нем, и что говорит это Наполеон. Он слышал, как называли *sire*⁶ того, кто сказал эти слова. Но он слышал эти слова, как бы он слышал жужжание мухи. Он не только не интересовался ими, но он и не заметил, а тотчас же забыл их. Ему жгло голову. Он чувствовал, что он исходит кровью, и он видел над собою далекое, высокое и вечное небо. Он знал, что это был Наполеон – его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нему облаками. Ему было совершенно все равно в эту минуту, кто бы ни стоял над ним, что бы ни говорил о нем. Князь Андрей рад был только тому, что остановились над ним люди. Он желал только, чтобы люди помогли, возвратили бы его к жизни, которая казалась столь прекрасной, потому что он теперь ее иначе понимал.

– Почему он не попросил помочь ему? Он не мог говорить?

– Мог. Но ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял, что он не мог отвечать ему. Да и все казалось так бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызывали в нем ослабление сил от истекшей крови, страдание и близкое ожидание смерти. Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, значения которой никто не мог понять, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто из живущих не мог понять и объяснить.

– Меняется ли отношение к людям после того, как с человеком произошел подобный духовный переворот?

⁵ Какая прекрасная смерть (франц.).

⁶ Ваше величество (франц.).

– Да. Много позднее, когда князь Андрей в несчастном, рыдающем, обессиленном человеке, которому только что отняли ногу, узнал Анатоля Курагина, человека, который отнял у него любимую женщину, он не пожелал зла своему врагу. Он видел, как Анатоля держали на руках и предлагали ему воду в стакане, края которого он не мог поймать дрожащими, распухшими губами. Анатолий тяжело всхлипывал.

«Да, это он; да, этот человек чем-то близко и тяжело связан со мною, — думал князь Андрей, не понимая еще ясно того, что было перед ним. — В чем состоит связь этого человека с моим детством, с моею жизнью?» — спрашивал он себя, не находя ответа. И вдруг новое, неожиданное воспоминание из мира детского, чистого и любовного, представилось князю Андрею. Он вспомнил Наташу такую, какою он видел ее в первый раз на бале 1810 года, с тонкой шеей и тонкими руками, с готовым на восторг, испуганным и счастливым лицом, и любовь и нежность к ней, еще живее и сильнее, чем когда-либо, проснулась в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между ним и этим человеком, сквозь слезы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь Андрей вспомнил все, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце».

– И он простил Анатоля?

– Простить можно *поступок*, а князь Андрей изменил *отношение*.

– Князь Андрей подошел к смерти в расцвете лет. А как чувствуют ее приближение старики?

– По-разному. Например, старик раскольник хорошо знал, что говорил, и то, что он говорил, имело для него ясный и глубокий смысл. Смысл был тот, что злу недолго остается царствовать, что агнец добром и смирением побеждает всех, что агнец утрет всякую слезу, и не будет ни плача, ни болезни, ни смерти. И он чувствовал, что это уже совершается, совершается во всем мире, потому что это совершается в просветленной близости к смерти душе его.

– Но ведь он знал это и ранее.

– Знал, но теоретически. А тут духовному взору его открылось все то, чего он так страстно искал и желал в продолжение всей своей жизни. Среди ослепительного света он видел агнца в виде светлого юноши, и великое множество людей из всех народов стояло перед ним в белых одеждах, и все радовались, и зла больше не было на земле. Все это совершилось, старик знал это, и в его душе и во всем мире, и он чувствовал великую радость и успокоение.

– Радость и успокоение? Разве такое может быть?

– Я думаю, да.

Окончание повести «Смерть Ивана Ильича»: «И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдруг все выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий. «Как хорошо и как просто, — подумал он. — А боль? — спросил он себя. — Ее куда? Ну-ка, где ты, боль?»

Он стал прислушиваться.

«Да, вот она. Ну что ж, пускай боль».

«А смерть? Где она?»

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

– Так вот что! — вдруг вслух проговорил он. — Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменилось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа».

- Чужая смерть влияет так же?
- Не так же, но влияет. К человеку может прийти понимание того, что он сделал.

Позднышев говорил: «Я начал понимать только тогда, когда увидал ее в гробу... Только тогда, когда я увидал ее мертвое лицо, я понял все, что я сделал. Я понял, что я, я убил ее, что от меня сделалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная и что поправить этого никогда, нигде, ничем нельзя. Тот, кто не пережил этого, тот не может понять».

Перед смертью почти неосознанно человек, проживший эгоистическую жизнь, может совершить благородный, нравственный поступок, смысл которого до него доходит непосредственно перед кончиной. В рассказе «Хозяин и работник», после страха замерзнуть и видя перед собой умирающего от холода мужика Никиту, Василий Андреич, хозяин, увидел в Никите человека. Не рассуждая о своем поступке, повинувшись какому-то идущему изнутри импульсу, хозяин лег на работника, согревая его своим теплом. «Василий Андреич лежал так ничком, упершись головой в лубок передка, и теперь уже не слышал ни движения лошади, ни свиста бури, а только прислушивался к дыханию Никиты. Никита сначала долго лежал неподвижно, потом громко вздохнул и пошевелился.

– А вот то-то, а ты говорить — помираешь. Лежи, грейся, мы вот как, — начал было Василий Андреич.

Но дальше он, к своему великому удивлению, не мог говорить, потому что слезы ему выступили на глаза и нижняя челюсть быстро запрыгала. Он перестал говорить и только глотал то, что подступало ему к горлу. «Настращался я, видно, ослаб вовсе», — подумал он на себя. Но слабость эта его не только не была ему неприятна, но доставляла ему какую-то особенную, не испытанную еще никогда радость.

Василий Андреич заснул, и во сне ему открылось то, что он лежит на постели и все не может встать, и все ждет, и ожидание это и жутко и радостно. И вдруг радость совершается: приходит тот, кого он ждал... Он пришел и зовет его, и этот, тот, кто зовет его, тот самый, который кликнул его и велел ему лечь на Никиту. И Василий Андреич рад, что этот кто-то пришел за ним. «Иду!» — кричит он радостно, и этот крик будит его. И он просыпается, но просыпается совсем уже не тем, каким он заснул. Он хочет встать — и не может, хочет двинуть рукой — не может, ногой — тоже не может. Хочет повернуть головой — и того не может. И он удивляется; но несколько не огорчается этим. Он понимает, что это смерть, и несколько не огорчается и этим. И он вспоминает, что Никита лежит под ним и что он урелся и жив, и ему кажется, что он — Никита, а Никита — он, и что жизнь его не в нем самом, а в Никите. Он напрягает слух и слышит дыханье, даже слабый храп Никиты. «Жив, Никита, значит, жив и я», — с торжеством говорит он себе.

И он вспоминает про деньги, про лавку, дом, покупки, продажи и миллионы Мироновых; ему трудно понять, зачем этот человек, которого звали Василием Брехуновым, занимался всем тем, чем он занимался. «Что ж, ведь он не знал, в чем дело, — думает он про Василья Брехунова. — Не знал, так теперь знаю. Теперь уж без ошибки. Теперь знаю». И опять слышит он зов того, кто уже окликал его. «Иду, иду!» — радостно, умиленно говорит все существо его. И он чувствует, что он свободен и ничто уж больше не держит его.

- Что было символом смерти для Анны Карениной?
- Страшный мужик, который снился и Анне, и Вронскому, и который появился наяву перед самоубийством Анны. Символом возрождения и вечной жизни приходит к Анне образ заженной свечи, который она видит перед тем, как умереть.

– Страшный мужик и образ смерти – это понятно. А могут ли мелочи приобретать особую значимость и особый смысл?

– Могут. Например, тяжелая болезнь матери Николеньки Иртеньева выбила его из привычной колеи. Он был в сильном горе в эту минуту, но невольно замечал все мелочи. В комнате было почти темно, жарко и пахло вместе мятой, одеколоном, ромашкой и гофманскими каплями. Запах этот так поразил его, что, не только когда позже он чувствовал его, но когда лишь вспоминал о нем, воображение мгновенно переносило его в эту мрачную, душную комнату и воспроизводило все мельчайшие подробности ужасной минуты.

– Свет, в принципе, любой, является символом бессмертия. Оленин – герой повести «Казачьи», видя ослепительный свет, испытывал состояние интенсивного осознания?

– Да, испытывал.

Он думал: «Отчего я счастлив и зачем я жил прежде? Как я был требователен для себя, как придумывал и ничего не сделал себя, кроме стыда и горя! А вот как мне ничего не нужно для счастья!» И вдруг ему как будто открылся новый свет. «Счастье — вот что, — сказал он себе, — счастье в том, чтобы жить для других. И это ясно. В человека вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть, отыскивая для себя богатства, славы, удобств жизни, любви, может случиться, что обстоятельства сложатся, что невозможно будет удовлетворить этим желаниям. Следовательно, эти желания незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие? Любовь, самоотвержение!»

– Норма в поведении ваших героев часто граничила с патологией. Убийца жены Позднышев находился на грани или шагнул за нее?

– На грани.

– Говорят, что, не обдумывая, можно делать только глупости. Однако иногда люди совершают неосознанные, но верные поступки. Почему?

– Им самим неведомо.

Ростов своим зорким охотничьим глазом один из первых увидел этих синих французских драгун, преследующих наших улан. Он чутьем чувствовал, что ежели ударить теперь с гусарами французских драгун, они не устоят; но ежели ударить, то надо было сейчас, эту минуту, иначе будет уже поздно. Он оглянулся вокруг себя. Ротмистр, стоя подле него, точно так же не спускал глаз с кавалерии внизу.

– Андрей Севастьянович, — сказал Ростов, ведь мы их сомнем...

– Лихая бы штука, — сказал ротмистр, — а, в самом деле...

Ростов, не дослушав его, толкнул лошадь, выскакал вперед эскадрона, и не успел он еще скомандовать движение, как весь эскадрон, испытывавший то же, что и они, тронулся за ним. Ростов сам не знал, как и почему он это сделал. Все это он сделал, как он делал на охоте, не думая, не соображая. Он видел, что драгуны близко, что они скачут, расстреляны; он знал, что они не выдержат, он знал, что была только одна минута, которая не воротится, ежели он упустит ее.

– Ростов как будто аккумулировал знание группы. А отдельный человек может «поймать» такое знание?

– Бывает. Например, Михайлов чувствовал, куда именно упадет бомба.

– Мой дед, который прошел Великую Отечественную войну без единого ранения, только к концу войны понял, что заставляло его уходить из опасной зоны при обстреле и спасать своих однополчан. Когда снаряд летит, он свистит. Если свист на мгновение прекратился, значит, он

упадет именно туда, где находится солдат, переставший слышать этот свист. Есть несколько секунд, чтобы метнуться в укрытие.

– Михайлов видел, как светлая точка бомбы, казалось, остановилась на своем зените – в том положении, когда решительно нельзя определить ее направления. Но это продолжалось только мгновение: бомба быстрее и быстрее, ближе и ближе, так что уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистывание, опускалась прямо в середину батальона.

– Ваши герои очень тонко чувствуют ситуацию и на интуитивном уровне способны даже к предсказанию.

– Это могут все, но в разной степени. Наташа Ростова была к этому способна. Она сказала брату, что тот не женится на Соне. Наташа не могла объяснить, почему она так думает: «Я знаю, Бог знает отчего, я знаю верно, ты не женишься».

– Способность к предчувствию рано развилась у Наташи, а потом составило главное достоинство ее как жены – опережать желания мужа?

– Это можно было увидеть уже в первых ее танцах, особенно таких сложных, как мазурка. Например, во время танца Денисов неслышно летел половину залы на одной ноге, и, казалось, не видел стоявших перед ним стульев и прямо неся на них. Но вдруг, прищелкнув шпорами и расставив ноги, останавливался на каблуках, стоял так секунду, с грохотом шпор стучал на одном месте ногами, быстро вертелся и, левою ногой подщелкивая правую, опять летел по кругу. Наташа чутьем угадывала то, что он намерен был сделать, и, сама не зная как, следила за ним – отдаваясь ему.

– Можно ли считать молитву измененным состоянием сознания?

– Смотря как молиться. Например, Наташа Ростова, когда молилась за воинство, вспоминала брата и Денисова. Когда молилась за плавающих и путешествующих, она вспоминала князя Андрея и молилась за него, и молилась за то, чтобы Бог простил ей то зло, которое она ему сделала. Когда молилась за любящих нас, она молилась о своих домашних, об отце, матери, Соне, в первый раз теперь понимая всю свою вину перед ними и чувствуя всю силу своей любви к ним. Когда молилась о ненавидящих нас, она придумала себе врагов и ненавидящих для того, чтобы молиться за них. Она причисляла к врагам кредиторов и всех тех, которые имели дело с ее отцом, и всякий раз, при мысли о врагах и ненавидящих, она вспоминала Анатоля, сделавшего ей столько зла. И хотя он не был ненавидящий, она радостно молилась за него как за врага. Только на молитве она чувствовала себя в силах ясно и спокойно вспоминать о князе Андрее, и об Анатоле, как о людях, к которым чувства ее уничтожались в сравнении с ее чувством страха и благоговения к Богу.

– Может быть, это проявление разумной жизни?

– Может быть. Я убежден, что в человека вложена бесконечная не только моральная, но даже физическая бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный тормоз – любовь к себе, или скорее память о себе, которая производит бессилие. Но как только человек вырвется из этого тормоза, он получает всемогущество. Хотелось бы мне сказать, что лучшее средство вырваться есть любовь к другим, но, к несчастью, это было бы несправедливо. Всемогущество есть бессознательность, бессилие – память о себе. Спасаться от этой памяти о себе можно посредством любви к другим, посредством сна, пьянства, труда и так далее. Часто вся жизнь людей проходит в поисках этого забвения. Отчего происходит сила ясновидящих, лунатиков, горячечных или людей, находящихся под влиянием страсти? Матерей, людей и животных, защищающих своих детей? Отчего вы не в состоянии произнести правильно слово, если думаете только о том, как бы его произнести правильно? Отчего самое ужасное наказание, которое выдумали люди, есть – вечное заточение? Смерть как наказание выдумали не люди, они при этом слепое орудие провидения. Но заточение, в котором человек лишается всего, что может его заставить забыть себя, и остается с вечной памятью о себе, – вечная мука. И чем

человек спасается от этой муки? Он для паука, для дырки в стене хоть на секунду забывает себя.

Чайковский писал Н. фон Мекк: «Читали ли вы, дорогой друг, „Исповедь“ гр. Л. Н. Толстого? Она ходит в рукописи, и мне только здесь удалось, наконец, прочесть ее. Она произвела на меня тем более сильное впечатление, что муки сомнения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой и которые так удивительно хорошо высказал в „Исповеди“, и мне известны. Но у меня просветление пришло гораздо раньше, чем у Толстого, вероятно, потому, что голова моя проще встроена, чем у него, и еще постоянной потребности в труде я обязан тем, что страдал и мучился менее Толстого».

– Способствует ли состоянию интенсивного осознания физическая нагрузка?

– Да, даже в самых сложных условиях. Например, переходы от двадцати до тридцати верст пешком при хорошей пище, дневном отдыхе после двух дней ходьбы физически укрепили Катюшу Маслову. Общение же с новыми товарищами открыло ей такие интересы в жизни, о которых она не имела никакого понятия. Таких чудесных людей, как она говорила, как те, с которыми она шла теперь, она не только не знала, но и не могла себе и представить.

– Что приводит к такому озарению?

– Когда человек утомляется физически, он может почувствовать поддержку других людей, дающую силы. Например, Николенька Иртеньев вспоминал, что ему в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что они не одни, то есть его семейство, живут на свете. Не все интересы вертятся около них. Существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с его семейством, не заботящихся о них и даже не имеющих понятия об их существовании. Без сомнения, он и прежде знал все это; но знал не так, как это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал.

– Чем отличается состояние интенсивного осознания от измененных состояний сознания?

– Измененное состояние сознания появляются в результате полного отключения рассудка. Но эти явления иногда сопровождают друг друга, когда одно диалектически сменяет другое. В метафизических рассуждениях я любил ту минуту, когда мысли быстрее и быстрее следуют одна за другой и, становясь все более и более отвлеченными, доходят, наконец, до такой степени туманности, что не видишь возможности выразить их и, полагая сказать то, что думаешь, говоришь совсем другое. Я любил эту минуту, когда, возносясь все выше и выше в области мысли, вдруг постигаешь всю необъятность ее и осознаешь невозможность идти далее.

– Влияет ли на процесс интенсивного осознания природа, окружающая обстановка?

– Конечно, влияет. Например, когда я два месяца жил в Clarens, то всякий раз, когда я открывал ставни окна, на которое уже зашла тень, и взглядывал на озеро и на зеленые и далью синие горы, отражавшиеся в нем, красота ослепляла меня и мгновенно, и с силой неожиданного действовала на меня. Тотчас же мне хотелось любить, я даже почувствовал в себе любовь к себе, и желал о прошедшем, надеялся на будущее, и жить мне становилось радостно, хотелось жить долго-долго, и мысль о смерти получала детский поэтический ужас. Иногда даже, сидя один в тенистом садике и глядя на эти берега и это озеро, я физически чувствовал, как красота через глаза вливалась мне в душу.

– Это состояние всегда приятно?

– Нет, но часто. Когда я отворил окно на озеро, красота этой воды, этих гор и этого неба в первое мгновение буквально ослепила и потрясла меня. Потом я почувствовал внутреннее беспокойство и потребность выразить как-нибудь избыток чего-то, вдруг переполнившего мою душу. Мне захотелось в эту минуту обнять кого-нибудь, крепко обнять, зашекотать, ущипнуть его, вообще сделать с ним и с собой что-нибудь необыкновенное.

– Воспринимая привычные объекты в необычных ситуациях, человек как бы заново познает их смысл, который был скрыт за ранее созданным образом?

– Да. Например, Николенька Иртеньев, украдкой наблюдая молитву юродивого Гриши, был потрясен, каким величественным может казаться человек, о котором было принято говорить с насмешкой.

«О, великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость Бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих — ты их не проверял рассудком... И какую высокую хвалу ты принес его величю, когда, не находя слов, в слезах повалился на землю!»

– Человек может почувствовать приближение такого состояния?

– Обычно это бывает внезапно. Как будто что-то странное случилось с ним. Сначала он перестает видеть окружающее, потом все начинает изменяться. Например, лицо собеседника исчезает перед ним, только одни глаза блестят, потом кажется, что глаза эти в нем самом, все мутится.

– Что может быть катализатором измененных состояний сознания?

– Музыка. Например, Делесов при слушании игры прекрасного музыканта испытывал непривычное чувство. Какой-то холодный круг, то суживаясь, то расширяясь, сжимал его голову. Корни волос становились чувствительны, мороз пробежал вверх по спине, что-то, все выше и выше подступая к горлу, как тоненькими иголками кололо в носу и небе, и слезы незаметно мочили ему щеки.

– Чем определяется уровень готовности к измененным состояниям сознания?

– Многим. Романтичностью, чуткостью, ощущением опасности. Например, когда Константин Левин косил траву, он потерял всякое сознание времени и решительно не знал, поздно или рано теперь. В его работе стала происходить перемена, доставлявшая ему огромное наслаждение. В середине его работы на него находили минуты, во время которых он забывал то, что делал, ему становилось легко. В эти минуты ряд его выходил почти так же ровен и хорош, как и у Тита.

– В «Записках сумасшедшего» вы описывали состояние просветления. Состояния интенсивного осознания и просветление – это одно и то же?

– Не совсем. Интенсивное осознание – процесс, а просветление – результат. Это особое психологическое состояние, момент озарения, когда человек отчетливо сознает свое место в жизни и способ движения по ней. Кроме того, интенсивное осознание относится к области психологии, а просветление – этико-религиозное понятие.

– В сентябре 1869 года с вами произошло событие, которое получило название «арзамасский ужас». О нем много спорят, и его наличием пытаются обосновать самые разные идеи.

– Я хотел купить имение, для чего отправился в путь, который лежал через Арзамас. Городок мне сразу не понравился, что-то было в нем нехорошее: ночью, когда мы приехали, была какая-то особая прозрачность в спящем городе, какая-то особая слышимость, раздражавшая меня. Я обратил внимание на то, что лошадиный топот как-то особенно отражался от домов. Все было белое: дома какие-то большие, белые, гостиница белая, номер в гостинице – чисто выбеленный. И на фоне белизны комнаты – ярко-красный квадрат гардинки на окне. Я не мог спать. Я чувствовал, что от кого-то убегаю, и не мог понять, от чего убегаю. Думал: «Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе». Я спросил себя: «Чего я тоскую, чего боюсь?» – «Меня, – неслышно отвечал голос смерти. – Я тут». – Мороз подрал меня по коже. Я пытался стряхнуть с себя ужас. Смерть не должна быть

близко, и я не думал, что сейчас умру, но чувствовал свое право на жизнь и вместе с тем какую-то совершавшуюся смерть.

– Что вы сделали? Как преодолели это состояние?

– Я нашел подсвечник медный с обгоревшей свечой и зажег ее. Красный огонь свечи и размер ее немного меньше подсвечника, все говорило то же. Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть. Я пробовал думать о том, что занимало меня: о покупке, о жене – ничего не только веселого не было, но все было ничто. Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь. И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разорвать. Все тот же ужас красный, белый, квадратный. Рвется что-то, а не разрывается. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало. Что меня сделало? Бог, говорят, Бог. Молиться, вспомнил я. Я давно, лет двадцать, не молился и не верил ни во что, несмотря на то, что для приличия говел каждый год. Я стал молиться. Как будто это развлекло меня, развлек страх, что меня увидят. И я лег. Но стоило мне лечь и закрыть глаза, как опять то же чувство ужаса толкнуло, разбудило меня. Я не мог больше терпеть, разбудил сторожа, разбудил Сергея, велел закладывать, и мы поехали. На воздухе и в движении стало лучше. Но я чувствовал, что что-то новое осело мне на душу и отравило всю прежнюю жизнь.

– Вам хоть немного стало легче?

– Нет. Следующая ночь была еще хуже. С особой остротой передо мной вставали вопросы смысла жизни, причем, не в абстрактной форме. Мне казалось, что если я не определюсь в этом вопросе, то не смогу существовать так, как жил раньше. Я молил Бога открыть мне тайну и смысл моего существования, но так и не получил ответа. Может быть, это произошло потому, что я тогда не верил в Бога по-настоящему. Я не верил в него, но просил, и он все-таки не открыл мне ничего. С этого дня я начал читать Священное писание.

– Такие потрясения не проходит бесследно. Что изменилось в вашей жизни?

– Здоровье мое ухудшилось, отношения с женой усложнились, смысл жизни был не найден. Однако я считал все это преходящим явлением и продолжал считать свою жизнь очень благополучной. Моя жизнь была все та же. Немножко умных и больших радостей, ровно сколько в силах испытывать, и толстый фон *глупых радостей*, как то: учить грамоте крестьянских детей, выезжать лошадь молодую, любоваться на вновь пристроенную большую комнату, рассчитывать будущие доходы с новокупленного имения, хорошо переделанная басня Эзопа, отбарабаненная в четыре руки симфония с племянницей, хорошие телята – все тёлки и тому подобное. Были и большие радости – семья, *страшно* благополучная, все дети живы, здоровы и, я был почти уверен, умны и не испорчены, а также занятия.

– И на фоне этого благополучия вы поняли, что что-то нужно менять?

– Да. В это время появляются первые мысли поменять свою жизнь, уйти из этого дома, из этой страны.

– Как – «из страны»?

– Случилось вот что. Молодой бык в Ясной Поляне убил пастуха. По этому поводу против меня возбудили дело, посадили под домашний арест. Все это по произволу мальчика, называемого судебным следователем. Меня возмутил произвол властей, который, по моему мнению, может иметь место только в России. Я решил переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечены.

– Но так и не уехали?

– Потихоньку прошло время, и желание уехать так и осталось нереализованным. После пережитого мной «арзамасского ужаса» я приехал домой и, когда стал рассказывать жене о выгодах именья, вдруг устыдился. Мне мерзко стало. Я сказал, что не могу купить этого име-

нья, потому что выгода наша будет основана на нищете и горе людей. Я сказал это, и вдруг меня просветила истина того, что я сказал. Главное, истина того, что мужики так же хотят жить, как мы, что они люди – братья, сыны Отца, как сказано в Евангелии. Вдруг как что-то давно щемившее меня оторвалось у меня, точно родилось. Жена сердилась, ругала меня. А мне стало радостно. Это было начало моего сумасшествия. Но полное сумасшествие мое началось еще позднее, через месяц после этого. Оно началось с того, что я поехал в церковь, стоял обедню и хорошо молился и слушал, и был умилен. И вдруг мне принесли просвиру, потом пошли к кресту, стали толкаться, потом на выходе нищие были. И мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти, и страха, и нет во мне больше прежнего раздиранья, и я не боюсь уже ничего. Тут уже совсем новый свет осветил меня, и я стал тем, что есть. Если нет этого ничего, то нет, прежде всего, во мне. Тут же на паперти я роздал, что у меня было, тридцать шесть рублей, нищим и пошел домой пешком, разговаривая с народом.

– Как физически ощущается измененное состояние сознания?

– Анна Каренина чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыханье и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайной яркостью поражают ее. Или вспомним Константина Левина, который вдруг из того таинственного и ужасного, нездешнего мира, в котором он жил эти двадцать два часа, мгновенно почувствовал себя возвращенным в прежний, обычный мир, но сияющий теперь таким новым светом счастья, что он не перенес его. Натянутые струны все сорвались. Рыдания и слезы радости, которых он никак не предвидел, с такою силой поднялись в нем, колебля все его тело, что долго мешали ему говорить.

– Измененные состояния сознания могут возникать на фоне тяжелого расстройства здоровья человека?

– Могут.

«Талантливый музыкант Альберт стучался в дверь дома, где его раньше принимали, но сейчас отказывают. Больной, он сел на пол, прислонился головой к стене и закрыл глаза. В то же мгновение толпы несвязных, но родственных видений с новой силой обступили его, приняли в свои волны и понесли куда-то, в свободную и прекрасную область мечтания. «Да, он лучший и счастливейший!» — невольно повторялось в его воображении. Из двери слышались звуки польки. Эти звуки говорили тоже, что он лучший и счастливейший! В ближайшей церкви слышался благовест, и благовест этот говорил: «Да, он лучший и счастливейший». «Но пойду опять в залу, — подумал Альберт. — Петров еще много должен сказать мне». В зале уже никого не было, и вместо художника Петрова на возвышение стоял сам Альберт и сам играл на скрипке все то, что прежде говорил голос. Но скрипка была странного устройства: она вся была сделана из стекла. И ее надо было обнимать обеими руками и медленно прижимать к груди, для того чтобы она издавала звуки. Звуки были такие нежные и прелестные, каких никогда не слыхал Альберт. Чем крепче прижимал он к груди скрипку, тем отраднее и слаще ему становилось. Чем громче становились звуки, тем шибче разбегались тени и больше освещались стены залы прозрачным светом. Но надо было очень осторожно играть на скрипке, чтобы не раздавить ее. Альберт играл на стеклянном инструменте очень осторожно и хорошо. Он играл такие вещи, которых, он чувствовал, что никто никогда больше не услышит. Он начинал уже уставать, когда другой дальний глухой звук развлек его. Это был звук колокола, но звук этот произносил слово: «Да, — говорил колокол, далеко и высоко гудя где-то. — Он вам жалок кажется, вы его презираете, а он лучший и счастливейший! Никто никогда больше не будет играть на этом инструменте».

– А что испытывал князь Андрей после ранения?

– Душа его была не в нормальном состоянии. Здоровый человек обыкновенно мыслит, ощущает и вспоминает одновременно о бесчисленном количестве предметов, но имеет власть и силу, избрав один ряд мыслей или явлений, на этом ряде явлений остановить все свое внимание. Здоровый человек в минуту глубочайшего размышления отрывается, чтобы сказать учтивое слово вошедшему человеку, и опять возвращается к своим мыслям. Душа же князя Андрей была не в нормальном состоянии в этом отношении. Все силы его души были деятельнее, яснее, чем когда-нибудь, но они действовали вне его воли.

– Так же и душа Анны Карениной была в ненормальном состоянии, когда Анна приняла решение покончить с собой?

– Ее подтолкнуло воспоминание о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, и она поняла, что ей надо делать.

«Быстрым, легким шагом спустилась по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле мимо ее проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колеса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась определить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будет против нее.

«Туда» — говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углем песок, которым были засыпаны шпалы, — туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя».

Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что сделала. «Где я? Что я делаю? Зачем?» Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. «Господи, прости мне все!» — проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла. «Смерть!» — подумала она. И такой ужас нашел на нее, что она долго не могла понять, где она, и долго не могла дрожащими руками найти спички и зажечь другую свечу вместо той, которая догорела и потухла».

– К измененным состояниям сознания можно отнести и негативные пристрастия человека?

– Нет, это характер, хотя человек оправдывает себя тем, что есть нечто, что сильнее его. Например, Позднышев утверждает, что он стал тем, что называют блудником. А быть блудником есть физическое состояние, подобное состоянию морфиниста, пьяницы, курильщика. Как морфинист, пьяница, курильщик уже не нормальный человек, так и человек, познавший нескольких женщин для своего удовольствия, уже не нормальный, а испорченный навсегда человек – блудник.

– Если я правильно поняла, измененные состояния сознания лишены символичности – они конкретны и вызывают состояние наслаждения. Они бывают по-своему благоприятны, ибо предоставляют возможность организму справиться со своими внутренними проблемами, иногда радикальными способами. Это может быть алкогольное и наркотическое опьянение, интенсивная мышечная активность, влюбленность, умиление, близость опасности и наличие патологических действий, например, убийства.

– Или гнева, который изменяет восприятие человека в той или иной ситуации. Например, князь Нехлюдов совсем озлился той кипящей злобой негодования, которую он любил в себе, возбуждал даже, когда на него находит, потому что она успокоительно действует на него и дает ему хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергию и силу всех физических и моральных способностей.

«Пьер хотел что-то сказать, взглянул на нее странными глазами, которых выражение она не поняла, и опять лег. Он физически страдал в эту минуту: грудь его стесняло, и он не мог дышать. Он знал, что ему надо что-то сделать, чтобы прекратить это страдание, но то, что он хотел сделать, было слишком страшно.

– Нам лучше расстаться, — проговорил он прерывисто.

– Расстаться, извольте, только ежели вы дадите мне состояние, — сказала Элен. — Расстаться, вот чем испугали!

Пьер вскочил с дивана и, шатаясь, бросился к ней.

– Я тебя убью! — закричал он и, схватив со стола мраморную доску и неизвестной еще ему силой, сделал шаг к ней и замахнулся на нее.

Лицо Элен сделалось страшно; она взвизгнула и отскочила от него. Порода отца сказалась в нем. Пьер почувствовал увлечение и прелесть бешенства. Он бросил доску, разбил ее и, с раскрытыми руками подступая к Элен, закричал: «Вон!» — таким страшным голосом, что во всем доме с ужасом услышали этот крик. Бог знает, что бы сделал Пьер в эту минуту, ежели бы Элен не выбежала из комнаты».

– Иногда человека как будто что-то толкает к безрассудным поступкам?

– Позднышев тоже так считал. Он рассказывал, что ему дьявол подсказал: «Ты плачь, сентиментальничай, а они спокойно разойдутся, улик не будет». И тотчас чувствительность над собой исчезла, и явилось странное чувство радости, что кончится теперь его мученье, что теперь он может наказать ее, может избавиться от нее, что он может дать волю его злобе. И он дал волю злобе – сделался зверем, злым и хитрым зверем.

– Могут ли подобные действия быть организованными и целенаправленными?

– Вполне.

«Только бы не вышли теперь», — думал я... Егор надел свое пальто с астраханским барашком и вышел. Я выпустил его и запер за ним дверь, и мне стало жутко, когда я почувствовал, что остался один и что мне надо сейчас действовать. Как — я еще не знал. Я знал только, что теперь все кончено, что сомнений в ее невинности не может быть, и что я сейчас накажу ее и кончу мои отношения с ней. Я боялся только одного, как бы они не разбежались, не придумали еще нового обмана и не лишили меня тем и очевидности улики, и возможности наказать. И с тем, чтоб скорее заставить их, я на цыпочках пошел в залу, где они сидели, не через гостиную, а через коридор и детскую».

– Позднышев распалял себя, представляя жену вместе с Трухачевским, реакцию детей, слуг?

– Это было нужно, чтобы начать что-то делать. Он рассказывал, что хотел встать, но не мог. Сердце так билось, что он не мог устоять на ногах.

«Да, я умру от удара. Она убьет меня. Ей это и надо. Что ж, ей убить? Да нет, это бы ей было слишком выгодно, и этого удовольствия я не доставлю ей. Да, и я сижу, а они там едят и смеются, и... „И зачем я не задушил ее тогда“, — сказал я себе, вспомнив ту минуту, когда я неделю тому назад выталкивал ее из кабинета и потом колотил вещи. Мне живо вспомнилось то состояние, в котором я был тогда; не только вспомнилось, но я ощутил ту же потребность бить, разрушать, которую я ощущал тогда. Помню, как мне захотелось действовать, и всякие соображения, кроме тех, которые нужны были для действия, выскочили у меня из головы. Я вступил в то состояние зверя или человека под влиянием физического возбуждения во время опасности, когда человек действует точно, неторопливо, но и, не теряя ни минуты, и все только с одной определенной целью».

– То есть, мышление, как таковое, работало, а способность к разумным действиям – нет?

– Он был под влиянием аффекта – сильной эмоциональной реакции, при которой человек сохраняет способность думать, но эта способность уже практически не влияет на его поведение. Первое, что он сделал, он снял сапоги и, оставшись в чулках, подошел к стене над диваном, где у него висели ружья и кинжалы, и взял кривой дамасский кинжал, ни разу не употреблявшийся и страшно острый. Он вынул его из ножен. Ножны завалились за диван, и он сказал себе: «Надо после найти их, а то пропадут». Потом он снял пальто, которое все время было на нем, и, мягко ступая в одних чулках, пошел туда.

– Мошенники часто испытывают «восторг надувательства», когда удается обмануть простака, а испытывает ли подобное чувство убийца?

– Возможно.

«Подкравшись тихо, я вдруг отворил дверь. Помню выражение их лиц. Я помню это выражение, потому что выражение это доставило мне мучительную радость. Это было выражение ужаса. Этого-то мне и надо было. То же самое бешенство, которое я испытывал неделю тому назад, овладело мной. Опять я испытал эту потребность разрушения, насилия и восторга бешенства и отдался ему.

Я бросился к ней, все еще скрывая кинжал, чтобы он не помешал мне ударить ее в бок под грудью. Я выбрал это место с самого начала. В ту минуту, как я бросился к ней, он увидал, и, чего я никак не ожидал от него, он схватил меня за руку и крикнул:

– Опомнитесь, что вы! Люди!

Я вырвал руку и молча бросился к нему. Его глаза встретились с моими, он вдруг побледнел как полотно, до губ, глаза сверкнули как-то особенно, и, чего я тоже никак не ожидал, он шмыгнул под фортепиано, в дверь. Я бросился было за ним, но на левой руке моей повисла тяжесть. Это была она. Я рванулся. Она еще тяжелее повисла и не выпускала. Неожиданная эта помеха, тяжесть и ее отвратительное мне прикосновение еще больше разозлили меня. Я чувствовал, что я вполне бешеный и должен быть страшен, и радовался этому.

Я размахнулся изо всех сил левой рукой и локтем попал ей в самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Я хотел бежать за ним, но вспомнил, что было бы смешно бежать в чулках за любовником своей жены, а я не хотел быть смешон, а хотел быть страшен. Несмотря на страшное бешенство, в котором я находился, я помнил все время, какое впечатление я произвожу на других, и даже это впечатление отчасти руководило мною. Я повернулся к ней. Она упала на кушетку и смотрела на меня. В лице ее были страх и ненависть ко мне, к врагу, как у крысы, когда поднимают мышеловку, в которую она попала. Я, по крайней мере, ничего не видел в ней, кроме этого страха и ненависти ко мне. Это был тот самый страх и ненависть ко мне, которые должна была вызвать любовь к другому. Но еще, может

быть, я удержался бы и не сделал бы того, что я сделал, если бы она полчала. Но она вдруг начала говорить и хватать меня рукой за руку с кинжалом.

– Опомнись! Что ты? Что с тобой? Ничего нет, ничего, ничего... Клянусь!

Я бы еще помедлил, но эти последние слова ее, по которым я заключил обратное, то есть, что все было, вызывали ответ. И ответ должен был быть соответствен тому настроению, в которое я привел себя, которое все шло crescendo

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.